ГЕННАДИЙ ДОРОНИН

ГЛАГОЛ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ О ТЕХ, КОГО НЕ ЗАБУДУ

В самом центре Уральска на протяжении последних лет (1996-2002гг.) на глазах горожан разваливается старинное здание довольно необычной архитектуры. В одном крыле здания уже рухнула кровля, покосились стены, провалился потолок. В другом крыле пока размещаются какие-то конторы, даже небольшое кафе, но ясно каждому, что строение обречено. Его ждет участь многих вековых домов, старинных особняков, православных церквей, которые были разрушены, взорваны, осквернены в 20-30 годы прошлого столетия. Отзвук тех безумных времен все еще не затих в этих краях.

Одноэтажное это здание, занимающее целый квартал, напоминает не то старую казарму, не то заброшенную конюшню. Но в самом его центре небольшой портик с колоннами - претензия архитектора на некую торжественность в облике здания, если хотите – на классицизм. Огромные высокие окна наводят на мысль, что здесь могло бы, к примеру, размещаться швейное производство. Но здесь в течение многих десятилетий находилась областная типография… Но прежде, утверждают знатоки, все-таки была конюшня… Что тут скажешь, любили яицкие казаки лошадей, хорошие для них дома строили… Ну а типография областная в 2002 году отметила свой сто сороковой юбилей. Не берусь утверждать, но, скорее всего, это самая старая типография в Казахстане…

Я помню день, когда несколько лет назад рухнула кровля здания. К счастью, никто не пострадал. На месте происшествия, как обычно, собралось немало зевак. Рабочие разбирали завалы, удивлялись, как могли не выдержать нагрузки стены метровой толщины, казавшиеся незыблемыми, один из них, наверное, бригадир, что-то объяснял телевизионщикам, которые наседали на него с микрофоном и камерой.

Пожилая женщина, стоявшая неподалеку, вытирала слезы… К ней подошли еще несколько человек, они принялись о чем-то негромко разговаривать. «Они как на поминках», - подумалось мне тогда. В них я узнал бывших работников

типографии, теперь пенсионеров…

Рухнувшая кровля пробила пол, и оказалось, что под ним огромное, темное, захламленное подвальное пространство. Одна из балок ударила и в черный пол этого подвала, и там образовался провал, как будто под первым подпольем было еще одно… Или лаз, ведущий неизвестно куда, таинственный… Мне не раз приходилось слышать, что некогда под Уральском существовала целая система подземных ходов, тянувшихся на многие сотни метров. Эти тайные ходы построили некогда яицкие казаки… В местной прессе нет-нет, да мелькают упоминания об этих ходах, называются даже конкретные их направления и здания, которые они связывали давным-давно, но тех, кто побывал в этих ходах я знаю очень немного… Летом 2001 года под старинной ротондой на бывшем Столыпинском бульваре образовался провал, а под ним лаз… Насколько мне известно, исследовать его решился пока только один из журналистов газеты «Пульс»…

Мне самому в детстве, которое как раз и прошло во дворе Уральской типографии, повезло: я наткнулся в подвале одного из домов, примыкавших к типографии, на узкий, выложенный осклизлым сырым кирпичом, лаз. Мои друзья и я, запасшись свечками, сделанными из пластилина (тогда пластилин был восковой, горел неплохо), отправились исследовать подземелье… Прошли мы не более десяти метров, попав в крошечную комнату, из которой в разные стороны вели еще несколько ходов. Было сыро и страшно, с потолка комнатки все время сыпалась земля… Мы вернулись и больше никогда не повторяли попытки проникнуть в подземелье, а потом повзрослели, разъехались, забыли об этом лазе… Иногда я думаю, что тогда нас вполне могло засыпать в этой жуткой подземной комнате. Никто и никогда не нашел бы нас…

…Рабочие, разбиравшие завалы в рухнувшей типографии, нашли несколько старинных документов, датированных серединой девятнадцатого века. Это были акции каких-то уральских предприятий, банковские бумаги с водяными знаками, пожелтевшие, влажные страницы газет…

Одна из старых работниц типографии сказала:

- Чего тут удивляться, что крыша упала!.. Во время войны половину стропил на дрова выпилили… Околевали от холода!..

Другая добавила грустно:

- Вечного ничего нет, Поля… Ничего…

Однако, ободряюще звучит сентенция: «прошлое не умирает». Ей вторит другая, утверждающая, что существует некая связующая нить времен: только потяни за конец клубка и размотаешь все истины, все события, все правды и кривды. Но мудрый Омар Хайям не верит этому:

Мы уйдем без следа - ни имен, ни примет,
Этот мир простоит еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было - после не будет…

Наверное, поэт прав: столько замечательных людей и событий стерлись, растворились, исчезли во времени, и забыты! Для забвения понадобились не века, не эпохи. Пары лет, а иногда и пары недель хватает для этого. Не случайно так любима нами приговорка: «С глаз долой - из сердца вон!..» Кто из жителей Уральска, помнит, где находился кинотеатр КРАМ? А где был дом учителя, да и существовал ли он вообще? А Туркестанская площадь куда пропала? Кто-нибудь из местных жителей ходил хоть раз в жизни по Большой Михайловской улице, по бархатной ее стороне? А кто был издателем газеты «Уральский дневник» и чем знамениты Тухватуллины? Как прежде называлась, всего лет сорок назад, всем известная в этом крае областная газета «Приуралье»? Боюсь, что на эти и еще многие другие вопросы не каждый в Уральске ответит. Тем более, я не рискую предложить уральцам освежить в памяти год завершения строительства знаменитого храма Христа Спасителя в Уральске, или год приезда сюда Льва Толстого. Я адресую все эти вопросы жителям Уральска потому, что речь сегодня поведу о них, о некоторых из них.

Читатель огорченно спросит: так что же, «есть только миг между прошлым и будущим»? – и более ничего?.. Все пройдет и все напрасно?.. С этим я тоже не соглашусь… Никто не исчезает насовсем, пока о нем помнят, ничто не умирает до тех пор, пока цел хотя бы один камень от некогда прочного и счастливого дома, пока не истлели старые письма и не выцвели фотографии, пока не затоптано, не сожжено, не подделано последнее свидетельство ушедших времен…

Нынче хочу рассказать о людях, жизнь и судьба многих из которых, а для некоторых уже и смерть, стали историей одного уральского предприятия, не самого приметного, не самого процветающего - Уральской областной типографии - и хочу надеяться, что скромные мои заметки помогут когда-нибудь серьезному

историку воскресить то, что было давным-давно, быльем поросло… Только тронь этот давний прах и померещатся в нем не до конца угасшие надежды, безутешные слезы, незажившие раны, первые поцелуи и потерянные любови - горячая, трепещущая, не утонувшая в реке времени жизнь моих земляков, моих родных… В двух словах объясню, почему я решил повести этот рассказ. Так уж случилось, что я появился на свет в семье полиграфистов, типографский воздух - воздух моего детства. Запах краски, грохот печатных машин, голубые всполохи цинкографии - все таинство рождения завтрашней газеты окружало меня с пеленок. В нашей семье были наборщики, печатники, переплетчики, представители едва ли ни всех тогдашних полиграфических специальностей, да и жили мы долгие годы по сути дела в самой типографии; за стеной нашей квартиры, если можно так назвать полторы комнатки, отгороженных от производственных цехов, ухали резальные станки, рычала огромная печатная машина, еще дореволюционного производства, и как говорили, не без опаски тогда, самая надежная, самая производительная… В конце коридора нашей квартиры, который служил нам и столовой, была всегда закрытая дверь. В детстве она возбуждала мое любопытство: что за ней? Иногда за дверью слышались голоса, нередко они срывались на крик. Позже я узнал, что заколоченная дверь вела в кабинет директора типографии – Клавдии Васильевны, долгие годы руководившей типографии. Кстати, она родилась 7 ноября 1917 года (по новому стилю), в день октябрьского переворота, который тогда называли Великой Октябрьской революцией. И не только называли, но и отмечали торжественно, радостно. Я имею ввиду, отмечали простые люди. Накрывали столы, готовили нехитрую снедь, спиртное, - и пели застольные тягучие песни, плясали под гармошку, хохотали от души над простыми шутками… Тогда говорили «гуляем Октябрьскую…»

Заколоченная дверь к директору была для меня таинственной – за ней что-то происходило, непонятное мне. А там происходили совещания, летучки, планерки, - и они проходили как бы за нашим обеденным столом. В этом были свои достоинства. Например, всегда неплохо было знать, в каком расположении духа находится директрисса Клавдия Васильевна.

Мне кажется, я родился, уже зная, что такое «цицеро», «нонпарель», «шпигель»… В общем, я «тамошний», поэтому и взял на себя смелость попытаться рассказать о том, что происходило на моих глазах или о том, что я узнал от

непосредственных участников событий. Заранее прошу прощения за возможные неточности, ведь все-таки десятилетия и десятилетия прошли с той поры, о которой хочу рассказать. С удовольствием приму все замечания и поправки.
Одно из самых ранних воспоминаний моего детства связано, конечно, с типографией. Я лежу на огромной стопе бумаги, это моя кровать, это мой стол, - в общем, почти дом. Мне года три-четыре. Бабушка моя Александра Львовна Милова стоит рядом, за столом, оббитым сверкающими металлическими листами. Пальцы ее окровавлены, она плачет. В руках бабушки предмет, похожий на нож, только костяной. Это так называемая «косточка», ею «фальцуют» газетные номера, то есть сворачивают каждый отпечатанный лист вчетверо и проглаживают «косточкой». Сейчас газету сворачивает специальная машина, а тогда это делали вручную. Представьте, что каждый экземпляр нужно было свернуть вчетверо, а номеров несколько тысяч. Наверное, каждый хоть раз в жизни ранил себе пальцы бумагой, ведь края ее остры, почти как бритва. Так вот, бабушка моя, другие женщины, фальцующие газету, редкий день обходились без таких порезов.
Невероятно трудно было работницам типографии во время войны. Впрочем, как и всем остальным в ту пору. В холоде, голоде они работали по двенадцать – пятнадцать часов в сутки, а потом еще и ходили в госпитали, ухаживали за ранеными, стирали окровавленные бинты. Моя мать рассказывала мне, как ей стало дурно, когда она увидела таз с отрезанной человеческой ногой. Один из госпиталей находился тогда в известном каждому жителю Уральска доме Карева. Едва ли не все приходящие сюда женщины поначалу испытывали шок. Они учились превозмогать и собственную смертельную усталость, и привыкать к виду крови, и утешать бойцов… А сколько писем написали они под диктовку раненых, забинтованных бойцов! Сколько трагических историй – о жизни, любви, изменах - поведали им обгорелые танкисты и летчики, контуженные пехотинцы, покалеченные артиллеристы… А женщинам этим нередко было по 18 – 20 лет, и они носили в себе тревогу по мужьям, братьям, отцам, отправившимся воевать…
В Уральской типографии, да мне кажется и на любом предприятии, тогда работали настоящие подвижники своего дела. Восьмичасового рабочего дня практически не существовало. Например, моя мать – Агриппина Трофимовна Доронина, которую, впрочем, все и всегда звали Галиной, всю свою трудовую жизнь работала ежедневно по десять-двенадцать часов в сутки, часто и больше – и это практически всю свою трудовую жизнь, а это сорок три года. В ее трудовой

книжке две записи – о приеме на работу и уходе на пенсию. Она была виртуозной наборщицей, метранпажем… Скоро, должно быть, эти профессии совершенно забудутся, или приобретут иной смысл, но тогда это была одна из основных полиграфических специальностей. Газету, книгу набирали в то время по буковкам. На специальную верстатку, немного похожую на логарифмическую линейку, из кассы со шрифтами устанавливали литеру за литерой, - и так несколько строчек. Потом этот металлический набор связывали специальной бичевой и аккуратно, чтобы не рассыпать, переносили к тому месту, где будет верстаться, то есть собираться из отдельных строк, абзацев, газета… Затем набирали еще несколько строк, и еще, и еще… Мастер, который собирал газетную полосу из этих заготовок, и назывался метранпажем. Представьте себе эту работу, если только одна небольшая статья состоит из пяти-шести тысяч символов. А вся газета?.. А теперь представьте, что все это нужно сделать в холодном, не отапливаемом помещении…

Нередко, когда этот кропотливый и очень нелегкий труд бывал завершен, из редакции газеты сообщали, что часть материала снимается, вместо него будут новые статьи, заметки. Это и сейчас случается почти ежедневно, потому, что внезапно происходят какие-то важные события, без рассказа о которых не может обойтись ни газета, ни читатели. Для наборщиков тогда это означало, что нужно опять браться за верстатки, вставать к «кассам». Восьми часов официального рабочего дня на это не хватало. А представьте себе предпраздничный день, скажем, шестое ноября. Вся страна готовится отметить очередную годовщину Октябрьской революции. В Большом Кремлевском дворце вечером идет торжественное собрание, звучат многочасовые речи, выступления, поздравления, здравицы. Все это должно попасть на страницы завтрашней утренней газеты. А ведь все эти речи нужно набирать, а потом вносить правку!.. И нельзя здесь не сказать, что в сталинские времена одна только небольшая газетная ошибка могла стоить наборщику свободы, а нередко и самой жизни…

Но перенесемся на несколько минут в середину тридцатых годов. Что же печатали тогда газеты Уральска, любопытно, правда?

Передо мной номер газеты (222) «Прикаспийская правда» от 27 сентября 1934 года. Это был печатный орган Западно-Казахстанского обкома ВКП (б), облисполкома, облпрофсовета, Уральского горкома ВКП (б), и горсовета. Красноречивы заголовки, по ним можно учить историю: «Упорно брать подступы к

высокому урожаю будущего года», «Живая история», «Повысить ответственность шоферов за машины», «За границей. За защиту равноправия женщин», «Выкорчевать оппортунистическую теорию очередности сельско-хозяйственных работ», «Против бесчинств военщины на КВЖД», «Письмо т.Кузнецова Ли Шао-Гену», «Тысячи американских текстильщиков продолжают бастовать», «Тов. Киров и тов. Мирзоян в Караганде», «Затягивание молотьбы – преступление», «Тепловской колхозной школе угрожает развал»… Одну коротенькую заметку, которая называется «2000 кур у рабочих» хочу привести полностью: «В Уральском совхозе в индивидуальном пользовании рабочих имеется 2000 кур. Остальным совхозам области нужно брать пример с Уральского совхоза и оказать помощь рабочим в обзаведении скороспелого животноводства». В заметке явно слышится отголосок недавней коллективизации, разорения села…

Любопытно узнать, какие же фильмы предлагали зрителям кинотеатры Уральска. В Кзыл-Тане демонстрировались «Красные дьяволята» (Новый экземпляр), в КРАМе – «Степные песни» (Драма в 6 частях), причем сверх программы предлагалась звуковая кинохроника…

…Во время войны газета выходила на двух страницах, полосах, как говорят полиграфисты… Сократилась и периодичность областной газеты, она стала не ежедневной, а выходила три раза в неделю… Зимой иногда было так холодно, что металлические верстатки наборщики иногда нагревали на буржуйках, у открытых дверец печей. Верстатки так нагревались, что обжигали пальцы, проходило несколько минут, и верстатки обжигали пальцы уже ледяным холодом.

Бывали просто трагические случаи, когда уже набранную страницу газеты, состоящую из тысяч и тысяч знаков-литер, нечаянно – при переноске ее в машину, при правке, да и просто неосторожно задев – роняли на пол или рассыпали. Это означало, что всю эту адову работу нужно было выполнять заново. Вызывали всех наборщиков, мастеров, начальника цеха, - и начиналась работа – через силу, через «не могу», а «не хочу» - тогда не существовало.

Мне рассказывали, что Зайнуш Туктамышев, мой отец, был таким мастером набора, что ухитрялся набирать текст и тогда, когда кончалась площадь верстатки, проще говоря, он составлял строки из литер на весу, без опоры на плоскость верстатки; они удерживались только силой собственного сцепления друг с другом. Молодые наборщицы ахали: «Ой, сейчас рассыплется, ой!..». Но у него не рассыпалось…

Я спросил как-то у матери:

- Во время войны, по сколько часов приходилось работать?..

Она усмехнулась:

- По двадцать четыре… По сути дела мы и жили в цехах… Небольшим перерывом были моменты, когда выключалось электричество… Свечи сразу не зажигали, некоторое время ждали – может подадут электроэнергию; и вот в это время работницы валились спать – кто на столе, кто под столом…Боялись только огромных крыс, которых было множество – голодных, наглых, злых…

Крыс было много еще и потому, что под типографией был большой продуктовый склад. Иногда мою бабушку приглашали прибраться в этом складе, подмести, убрать паутину, - и за это ей давали немного продуктов – три четыре картофелины, стакан крупы, - это было настоящим богатством…

После работы женщины ходили на дежурства в госпиталь, в тот, который был расположен в доме Карева – он занимал все три этажа огромного здания… Они обмывали раненых, стирали бинты, писали за раненых письма…

Мать помнит одного летчика, у которого были ампутированы обе руки, он просил закурить, и женщины прикуривали ему папиросы, и, может быть, горький дым фронтового табака выбивал слезы из глаз, казалось, давно уже разучившихся плакать… Один воин лежал весь обожженный, прикрытый марлевой занавеской, даже малейшее движение воздуха вызывало у него нестерпимую боль…

На втором этаже дома Карева, где сейчас библиотека имени Крупской, было тогда операционное отделение…

- Когда прихожу туда, - рассказывала мне мать, - то сразу встают перед глазами тазы с ампутированными ногами…кровь…страдания бойцов…

Вот только некоторые помещения в Уральске, занятые под госпитали: управление речного пароходства, школы №1, №9, №6, привокзальная школа №35; приспособлены под госпитали были Уральский дом отдыха и кумысолечебница – ее называли тогда «Кумыской».

Умерших от ран хоронили на Уральском кладбище, неподалеку от Спасо-Преображенской церкви… Эта церковь в Уральске – единственная, которая никогда не закрывалась, с 1888 года в ней идут богослужения…Остальным полутора десяткам прекрасных храмов и церквей Уральска повезло меньше…

Я интересовался, многие ли из работников типографии, не вернулись с войны. Мои собеседницы ответили не сразу… Кажется, что после войны вернулись

только Рахим и Напия Давлеткалевы, Зайнуш Туктамышев… Больше память никого не подсказала… Наборщик Александр Храмцов – фронтовик, но он пришел в типографию уже после войны…

После войны жизнь постепенно налаживалась. Стало лучше с продуктами, в магазине стали появляться кое-какие промышленные товары… Летом время от врмени по выходным дням типографские отправлялись все вместе на отдых за горд – чаще всего в Ханскую рощу, а иногда и за Урал – на Бухарскую сторону. Выезжали на грузовике, грузили в него и тот самый огромный самовар, и нехитрую снедь, брезент, одеяла… Выбиралось место неподалеку от реки – Чагана или Урала, в тени под раскидистым деревом, расстилался брезент, поверх него одеяла и получался огромный достархан – одновременно и стол, и место, где можно полежать, закрыв глаза, послушать голоса птиц… Не часто выдавалось для этого время… Для ребятни, такие дни были настоящим праздником, нас обязательно брали с собой, да и не оставлять же нас одних в городе, потому, что выезжали на природу все… Мы устраивали веселую возню в траве, которая была выше наших голов, искали и находили ежевику, терн, рвали и кидали друг в друга какие-то таинственные лесные арбузики, бегали купаться, слыша вслед: «Утонешь – домой не приходи!..». Но чаще всего и охотнее мы играли в лесу в войну, разделившись на «наших» и «не наших»…

Взрослые пели песни, самые отчаянные пытались загорать, даже купаться. Охотнее это делали мужчины. Думаю, что объяснялось это просто – стыдливостью. Мужчины, облаченные в необъятные черные семейные трусы, пока о другом плавательном облачении просто не слышали – плавки начнут массово появляться только в конце пятидесятых годов, а женщины, уже, наверное, понимали, что их белье ну никак не подпадает под определение «купальный костюм».

Почему-то в лесу женщины начинали плести венки из цветов… Получалось красиво, но до приезда в город венки не доживали – увядали… Наверное, женщины не могли и двух часов кряду пробыть без какой-нибудь работы, целый день ничегонеделанья угнетал их…

Выезжал коллектив типографии и в подшефный колхоз – «Родник новый». Парторгом был тогда Емельян Павлович Шапошников, он же главный бухгалтер типографии. Он был организатором этих поездок. Там работники типографии помогали колхозникам убирать картофель, собирали колоски – было тогда и такое

занятие – после комбайна подбирать оставшиеся не обмолоченными колоски… Сегодня трудно себе даже представить эту работу, когда по полю – от горизонта до горизонта - идут по стерне люди и время от времени поднимают колосья… Как тут было не ценить хлеб, не оставлять после обеда на столе ни единой его крошки… Эту работу чаще всего выполняли школьники…

Особенно много хлопот в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов доставлял наборщикам неугомонный и непредсказуемый характер Никиты Хрущева. Тексты речей таких важных персон присылались в типографию заранее, тогда это было большим секретом, и тексты эти набирались еще до того, как важный оратор выходил на трибуну. Так вот, Никита Сергеевич почти никогда не выступал строго по тексту, как раз наоборот. Он настолько отклонялся от заготовленной речи, что по сути дела приходилось весь текст перебирать заново. А Никита Сергеевич любил многочасовые речи, они занимали несколько газетных страниц. Пока он выступал, в редакциях у телетайпов бледные от бессонницы дежурные ждали поправок, а это целые бумажные простыни, а наборщики пили чай, говорили не без опаски: «Опять Никиту понесло!..» Время сталинских репрессий как будто миновало, но взгляды чекистов, которые нет-нет, да появлялись в типографии, были строги и внимательны. На стене наборного цеха одно время висел плакатик: «Не болтай по телефону – болтун находка для шпиона!» На плакатике была изображена безответственно улыбающаяся женщина, которая что-то говорила по телефону, наверное, о хрущовском повышении цен на мясо и молоко, а может быть, о денежной реформе шестьдесят первого года; веселую болтушку меж тем подслушивал злобный шпион в черных очках, огромной черной же шляпе; всем было известно, что враги не дремали и готовились поработить советский народ, в крайнем случае, оклеветать его в передачах Би-Би-Си или «Голоса Америки». Конечно, для того, чтобы клевета не достигала ушей советских граждан, работали мощные «глушилки», но не было человека, который хоть раз в жизни, а часто и не раз, сквозь рев и хрип, не слушал бы эти передачи. Очень часто «клевета» эта оказывалась истинной правдой. Про эти радиостанции часто говорили, что они знают все и всегда. Если проходил слух, что какого-то советского бонзу должны вот-вот снять с занимаемой должности, то подтверждение этому или опровержение старались услышать из-за рубежа.

Не меньше беспокойства приносили полиграфистам фотографии вождей или

других важных персон. Тогда ведь не было компьютеров, на которых любое изображение можно довести буквально до совершенства. Для того чтобы фото попало на газетную полосу, сначала нужно было сделать с него растровое клише, иначе говоря, перевести изображение на металлическую пластину, с которой уже можно делать оттиски. Для этого при многих типографиях были специальные цеха – цинкографии. Процесс изготовления клише трудоемкий и сложный, и он не гарантировал высокого качества. Иногда приходилось по несколько раз переделывать клише…

Был такой случай. Он произошел в памятные мартовские дни пятьдесят третьего года. Всей стране еще не было известно о смерти Сталина, а в типографию уже поступил парадный портрет почившего вождя, и было сказано, что к нему нужно готовить траурную рамку. Мало сказать, что для многих это был шок. Сталин был во главе всего. Даже за свадебными столами поднимали за него тосты. В песнях пели: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем!..» В фойе кинотеатра КРАМ – кинотеатра рабочей молодежи – на стене висел огромный портрет вождя, - от пола до самого потолка. Генералиссимус был изображен со своей матерью; он был в распахнутой шинели, в военных брюках с широченными лампасами, да и сам он был огромным, рослым, статным. Он был на картине и заботливым сыном, и одновременно мудрым вождем - спокойно смотрел вдаль, стоя на каком-то небольшом пригорке, а за его спиной производительно пыхтели мощные заводы, в полях сыто урчали трактора, линии электропередач на могучих опорах несли в каждый уголок необъятной страны свет, тепло и, конечно, марксизм-ленинизм-сталинизм.

Наверное, все-таки Сталина любили… За то, что в кинокартине о Валерии Чкалове, он сказал прославленному летчику, что человек у нас – самая высокая ценность, за то, что на медали «За победу над Германией» был его профиль и слова «Наше дело правое, мы победим!», за то, что народу поднадоел многочисленный «сброд тонкошеих вождей»; народу нужен был мудрый, справедливый, недоступный, как Бог, царь, - и Сталин стал им. Забегая вперед, скажу, что по Сталину навзрыд рыдала вся страна. Горе было глубокое и неподдельное. Я видел идущих по улице людей обливающихся слезами. Никто не стеснялся этого. Никогда больше не приходилось мне видеть подобного. Говорят, что в восьмидесятом году так Москва провожала в последний путь Владимира Высоцкого. Но в пятьдесят третьем умывалась слезами вся страна. «Что же

теперь будет?» - многие спрашивали друг у друга. «Вот теперь американцы радуются!» - слышал я, как говорили другие. Почему-то казалось, что именно американцы и должны радоваться этой смерти. Почему?..

Почти на всех домах по проспекту Сталина в Уральске были вывешены склоненные флаги, увитые черными траурными лентами, и меня поразило, что почти под каждым флагом стояли рыдающие люди. Я не знаю, что это было – может быть, люди выплакивали свои несбывшиеся надежды на лучшую жизнь, которые, по их мнении, рушились со смертью вождя, или оплакивали эпоху, подспудно понимая, чувствуя, что коммунистический монстр потрясен, и, в общем, не так много ему осталось… Конечно, скажи тогда людям о грядущем девяносто первом и Беловежской пуще – не просто не поверили бы – растерзали бы…

Утром пятого марта 1953 года люди шли по улицам, как полуслепые, рыдали у каждого вывешенного флага с траурными лентами… День был довольно теплый, подтаивал снег и было довольно скользко… Я тогда учился во втором классе начальной школы №34, в этом здании теперь располагается епархиальное управление. Когда я утром пришел в школу, то удивился – все – и учителя, и ребята стояли во дворе, многие взрослые плакали… Вывешивали флаги с черными траурными полосами, и было очень тихо… Отчетливо слышны были всхлипывания, шмыганье носами, а на втором этаже кто-то плакал с подвыванием – и непонятно было – женщина плачет, или мужчина… Наверное, женщина, потому, что мужчин у нас в школе почти не было, кажется, только дворник… Вряд ли станет дворник так убиваться по Сталину…

Теперь, если приходится бывать в здании епархиального управления, я все оглядываюсь по сторонам, как будто где-то в этих стенах спряталось мое детство, и еще мне кажется, что на втором этаже так и находится тот, кто так отчаянно плакал по Иосифу Виссарионовичу.

Из школы нас в тот день отпустили, что к грусти – не особенно сильной – добавило и немного радости, как же – уроков не было, на дом ничего не задали! Как не радоваться?

А весь Уральск плакал навзрыд… Это я видел сам. Никто из вождей больше не удостоился такого поистине всенародного оплакивания…

Моя мать говорит:

- Сейчас многие о Сталине говорят и пишут, и все по разному… А я вот что скажу: народ ему верил… На фронте солдаты шли под пули с его именем на устах…

Плохо это или хорошо, но люди как бы сплотились именно вокруг него…Едва кончилась война – в Уральске открылся большой хлебный магазин, и началось снижение цен на хлеб…А дисциплина какая была – и в стране, и на каждом предприятии… Разгильдяйства не было…На работу не опаздывали… Надо мной, например, иногда подсмеивались, я в цех приходила первая – еще темно было… И я в темноте безошибочно находила все выключатели, а их десятки, иду – щелк, иду – щелк, а здание в длину занимало целый квартал, - и загорается электричество, как будто типография просыпается вместе со мной… Захожу в линотипный цех, смотрю – не забыли сторожа заранее включить устройство для плавки металла, хорошо!..

Но вернемся к траурной фотографии. В цинкографии тогда что-то не заладилось, и черная рамка выходила не совсем черной, а с какой-то морщинкой, похожей на полосатый шлагбаум. Переделывали несколько раз, но все впустую. Сегодня это выглядит почти курьезом, а тогда это тянуло на серьезную вражескую акцию. Работники типографии, и без того пребывающие в отчаянье, были расстроены окончательно. Тогда сделать эту рамку поручили крупнейшему заводу Уральска. Теперь он называется «Зенитом», а тогда это был номерной завод, носивший имя Климента Ворошилова. Завод выпускал торпеды и другое вооружение, в самом начале войны он был эвакуирован в Уральск из Ленинграда, и славился своими специалистами, мастерами на все руки. Траурная рамка была изготовлена, как будто такая, как и требовалась. Но все равно в ее черном параллелепипеде просматривались подозрительные светлые пятна. Потом, спустя много лет, мне попадались на глаза те самые, уже пожелтевшие, номера «Приуральской правды», так называлась тогда областная газета, с этим портретом, и на некоторых из них была явно заметна неоднородность черного цвета в траурной рамке. И тогда я подумал: как будто даже типографские машины, сама бумага не желали скорбеть о смерти тирана. Но в тот день это обстоятельство добавило головной боли полиграфистам Уральска. Совсем нередко им приходилось встречать рассвет в своих цехах, пропахших типографской краской.

Помню одно светлое первомайское утро. Наверное, это было году в пятьдесят шестом. Главная улица Уральска была заполнена нарядно одетыми людьми. Конечно, смысл понятия «нарядно одетые» за последние десятилетия изменился. В пятидесятые годы чаще всего это значило быть в чистой, аккуратной одежде, может быть, аккуратно заштопанной, в начищенной обуви… К слову, у моего

дядюшки Владимира Николаевича Милова, кажется на всю жизнь был припасен единственный выходной костюм, шерстяной, темно-синий, из ткани, которую называли тогда «бостон». «Неизносимая материя», - говорили об этой ткани… Так вот, гремели духовые оркестры, с ними соревновались аккордеоны, баяны, саратовские гармошки, - шумно, весело в городе. У многих в руках были букеты сирени, которой всегда было много в садах, скверах, во дворах Уральска. И до сих пор здесь любят сирень, ищут в пышных букетах крошечные цветки с пятью, шестью и более лепестками, - к счастью. Вообще в ту пору праздники 1 мая, 7 ноября отмечали пышно и торжественно, более того, это были поистине всенародные торжества. К ним готовились заранее, на предприятиях подновлялись лозунги, создавались специальные профсоюзные комиссии, в задачу которых входило приготовление подарков для детей, семейных вечеров для взрослых, - так они тогда назывались…

Я помню, с каким нетерпением ожидали праздников, собирались компании, добывались – с немалым трудом – продукты, приглашались гармонисты (а что за праздник без гармони?), обсуждалось предполагаемые меню «семейных» вечеров… Хотя эти обсуждения, в общем-то, сводились к определению количества картошки и свеклы, потому, что основным блюдом чаще всего был винегрет. Его приготовляли в огромных количествах и раскладывали на большие тарелки. Наголодавшиеся за войну люди не страдали отсутствием аппетита. Иногда готовилось и настоящее лакомство тех времен – холодец. На Уральском мясокомбинате закупались говяжьи ножки – десятками килограммов. Это было тоже совсем непросто, все мясное было дефицитом. Приходилось выполнять для мясокомбината какой-нибудь внеочередной заказ на печатанье бланков или чего-то подобного. Ножки привозились на типографском грузовике и вокруг них начинали хлопотать женщины. Я помню, как однажды кто-то сказал: «Интересно, они в колхозах только ноги выращивают, или еще и коров к ним в придачу?..» На дерзкого зашикали. Все знали, что огромный мясокомбинат в Уральске едва-едва успевает перерабатывать поступающее количество скота, выпускает многие десятки видов колбас, копчений, мясных консервов, но все это изобилие отправляется куда-то в опечатанных вагонах. Куда?.. Ответа на этот вопрос тогда не искали, большинство довольствовались объяснением «там лучше нас знают…». Таинственное «там» представлялось сияющими заоблачными высотами, где за столами президиума, покрытыми красными сатинами, сидели

мудрые, непогрешимые, невероятно справедливые начальники, и все они знали, и все предугадывали, и, озабоченные народными судьбами, не ели, не спали, только клацали на счетах, только подписывали исторические решения, указы и постановления. Я однажды, году в пятьдесят втором, спросил у матери: скажи, Сталин знает обо мне, о нашей семье?.. Она ответила вполне серьезно:

- А как же, конечно, знает. Он обо всех знает…

Не могу забыть, как однажды мать испугалась, когда пришла на обед и застала меня перерисовывающим из учебника «Родная речь» в свою тетрадку портрет Сталина.

- Нельзя! – сказала она, и не стала объяснять, почему же нельзя, порвала листок с рисунком и бросила его в печь, дождалась, когда он сгорит дотла… Вожди были табу. Я часто спрашивал тогда у взрослых, а кто же главнее – Ленин или Сталин, и, честно скажу, мне хотелось, чтобы Сталин был главнее. Он казался мне симпатичнее: высок ростом, облачен в мундир генералиссимуса, а Ленин вечно комкал в руках кепку, стоял на постаменте с вытянутой рукой, а в кинокартинах картавил, прятался от полицейских в шалаше, и все время что-то писал на пеньке. Взрослые мои вопросы всегда оставляли без ответа. А некоторые, особенно женщины, произносили уж вовсе непонятное мне: «Лишь бы войны не было!..» Вообще, о войне тогда говорили много, а в типографском клубе демонстрировались часто, на радость всем мальчишкам, фильмы о взрывах атомной бомбы. Перед фильмами обязательно выступали лекторы и клеймили американских милитаристов, которые хотят разбомбить весь социалистический лагерь. После фильмов всех учили надевать противогазы. Лица в резиновых липких масках мне казались смешными, люди превращались в них в уродливых существ, похожих на слонят. Кроме меня, никто над противогазами не смеялся… Но я отвлекся, вернемся к первомайскому празднику пятьдесят шестого года. Колонны демонстрантов проходили одна за другой мимо окон типографии, проезжали специально оформленные машины, увешанные огромными транспарантами, убранные бумажными цветами, люди несли плакаты, портреты мудрых членов Политбюро. Было много музыки, солнца, тепла, демонстранты в большинстве своем находились в прекрасном расположении духа, смеялись, пели революционные песни. Тогда, кажется, едва ли не все песни были революционными, политическими. Даже влюбленные в этих песнях нет-нет, да принимались благодарить партию и правительство. И вот в этот светлый день в

одном из окон типографии я увидел молодую наборщицу, к сожалению, не помню ее фамилию. Прижавшись лицом к стеклу, она безутешно плакала. На улице вовсю разливался праздник, люди веселились, а девушка рыдала. Меня это поразило, да так, что я запомнил эту картинку на всю жизнь. Я потом узнал, что ей очень хотелось принять участие в демонстрации, но нужно было набирать поздравительные телеграммы, поступившие из-за рубежа в адрес советского народа. Мать мне позже рассказывала, что многие девчата тогда плакали, так трудно было осознать, что тебе не придется быть вместе с празднующим народом. Это потом придут времена семидесятых-восьмидесятых годов, когда на демонстрации станут загонять силком под угрозой лишения премий, а народ все равно будет всячески увиливать, избавляться от транспарантов и портретов, ведь мало пронести их по площади, нужно было после окончания демонстрации, когда все уже засядут за праздничные столы, относить их на свое предприятие, в свою организацию. Я нередко видел, как красные кумачовые призывы после окончания шествия валялись в мусорных кучах, в канавах и лужах.

Мать рассказывала мне:

- Все праздничные демонстрации я по большей части смотрела из окна, подтащу к окну полосу, плачу и работаю…С той стороны к окну подходили знакомые, махали руками ,а у меня слезы в три ручья… Вот как хотелось быть на демонстрации. Люди там плясали, пели, играли баяны-аккордеоны, а я работала…».

7 ноября или 1 мая задолго до начала демонстрации собирались у типографских ворот празднично одетые люди, а главное – с праздничным настроением, с улыбками, шутками. Часов в семь-восемь утра открывался клуб, включался проигрыватель, а в середине 50-х годов была куплена супер-радиола «Мир», чудо тогдашней радиотехнической мысли – с трехскоростным проигрывателем, внутренней магнитной антенной, УКВ-диапозоном, с зеленым глазом индикатора настройки… Радиола легко брала БиБиСи и «Голос Америки», трубящие в ореоле хрипения глушилок, и было в этом плохо понятном вражеском радиоговорении нечто жутковатое и притягательное… Одно время клубом заведовал печатник-ротационер Михаил Кан и он все время отгонял меня, мальчишку, от огромного деревянного, отделанного шпоном «карельской березы» и бука, задрапированного сверкающей тканью, радиоящика…

Так вот, задолго до начала демонстрации начинался праздник. Я помню пластинки, которые непременно заводились в клубе в этот ранний час: «Огонек»,

«Рио-Рита», «Темная ночь», «Мишка» - куда деться от этого «Мишки»?..
В клубе были уже приготовлены транспаранты, плакаты, портреты членов Политбюро, которые предстояло нести в колонне типографским.
- Тогда в эти дни в душах людей был настоящий праздник, нельзя было его не отметить, - рассказывали мне старые полиграфисты. – Это чувство выливалось на улицы – все танцевали, пели, радовались…
Часами приходилось демонстрантам где-нибудь в боковой улице ждать своей очереди, чтобы пройти мимо трибуны главной площади Уральска. Не могу не рассказать о ней. Она и сейчас главная в городе…
Тогда очень многие еще помнили, что некогда на этом месте стояла триумфальная арка, а площадь была частью некогда огромной Туркестанской площади. Арка была воздвигнута к приезду в Уральск 29 июля 1891 года цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая Второго – в честь 300-летия служения Уральского казачьего войска царю и отечеству. Арка была разрушена большевиками в 1929 году. На ее примерно месте был воздвигнут довольно смешной, по-большевистски нелепый монумент. Это была некая усеченная пирамида, с проделанными в ней небольшими проходами-арками, на которой был установлен земной шар, на котором, вытянув руку, стоял Ильич – совсем небольшой, наверное, даже меньше своего натурального роста. Сбоку от монумента были устроены небольшие трибуны. В проходах под земным шаром все время лазали ребятишки. В пятидесятых годах позади монумента с Лениным был довольно большой, заросший сиренью, садик, в котором иногда журчал фонтан. Но большую часть времени он был сух, в его чаше набирался мусор, время от времени его убирала какая-то бабушка в синем халате.
И вот пред этим монументом и проходили колонны демонстрантов, и им «делали» ручкой крошечный вождь на земном шаре и местные вожди, стоящие под его ногами. Это был апофеоз шествия. Пройдя площадь, колонны рассыпались, люди сворачивали в боковые улицы – и торопились домой… В пятидесятые годы после демонстрации все Миловы и Доронины обязательно собирались в нашем доме в типографии – у бабушки Саши… Она с раннего утра хлопотала у плиты, знала, что ее зять – муж Марии Николаевны – Владимир Акатьев, фронтовик, награжденный многими орденами и медалями, - очень любит картошку в мундирах, знала вкусы всех своих гостей… На столе были пироги с рыбой, конечно же, картошка, соленья – замечательная капуста, моченые яблоки - объеденье, чудесные огурцы, из

бочек, что таились в глубоком погребе... Пусть простит меня читатель за бесконечные отступления, но не могу не рассказать о погребе, который по суди дела был вырыт у самых стен типографии. Я смутно помню, как сначала земля была сплошным кирпичным крошевом, а потом стало попадаться дивное синее стекло с различимыми надписями на осколках… Тогда надписи интересовали не очень, даже извлеченная целенькая, почти кубическая бутыль была тут же разбита… А потом стали копателям погреба стали попадаться какие-то ржавые металлические предметы – ножи, миски… И даже монеты… Копатели оттирали монетки от налипшей грязи, смотрели – не золотые ли – и бросали их нам, ребятне, ведь на эти деньги купить было ничего нельзя… Я помню, как долго играл с медными монетками с профилем какой-то женщины… Старинные монетки в Уральске мне в детстве попадались нередко… Лежишь где-нибудь на песке, отогреваешься после многочасового купанья в речке, смотришь, а из песка видна почти черная монетка… Выкопаешь ее, постараешься оттереть с нее налет – нет, не наша, не советская денежка, - и летит она в реку, делая «чики» по воде… Сколько я перекидал таких в Урал, - и с профилями женщин, и бородачей, и просто с непонятными надписями… Сейчас мне такие монеты не попадаются, может, мы с приятелями все их перекидали в реку?.. До слез жалко все наше поколение, которое воспитывали в пренебрежении к прошлому; история тогда начиналась в семнадцатом году, а цари, ханы, священники, князья, атаманы были сплошь кровопийцами… И никто нам не говорил, что мы растем невеждами… Теперь хочу рассказать, как проходили в типографии «семейные вечера». Столы накрывались в клубе, там с утра хлопотали свободные от работы женщины, к ним на помощь нередко приходили из цехов наборщицы, печатники, переплетчики, - всем хотелось ощутить предпраздничную атмосферу клуба. Тщательно мылись полы, окна, расставлялись стулья, вместо скатертей на столах расстилались огромные полотнища бумаги. Первыми предвестницами вечера во дворе появлялись женщины, размахивающие огромными чугунными утюгами, которые нагревались посредством тлеющих дровяных углей, закладываемых в чрева утюгов. Размахивали утюгами для того, чтобы угли не погасли. Многие приносили праздничные наряды прямо в цеха, и после окончания работы здесь же утюжили их, переодевались. Праздничная эта одежка, как я уже сказал, не очень отличалась от повседневной. Может, на ней заплат не было, или были они искусно замаскированы, да носили ее от случая к случаю. Было даже принято гордиться

долговечной вещью. Все одобрительно кивали головами, когда кто-то сообщал, что «свой бостоновый костюм он носит уже двенадцать лет, а он все как новенький!» В большой цене был крепдешин, тонкая полупрозрачная ткань, мечта модниц пятидесятых годов. Если удавалось скопить на такую ткань, да потом еще и найти ее в магазине, то нехитрые тогдашние фасоны собирались обсуждать целыми компаниями: «Кокетка, нужна, обязательно! Нюся, как же без кокетки!..»
Предваряло вечер торжественное собрание с длинным докладом о международном положении, милитаристах, советских достижениях, об улучшающемся благосостоянии наших людей. Потом передовикам вручались грамоты, с именами, внесенными в них золотой краской здесь же в типографии. Эти грамоты печатали тайком на плоскопечатной машине «американке», но, конечно же, это было секретом полишинеля, все знали о счастливчиках. И хотя говорили «на кой мне эта бумажка, мало штоль бумаги в цеху!», но награжденным завидовали. Еще случались и другие награды: кусок ситца, парусиновые туфли, босоножки, которые почему-то называли «танкетками». Тогда можно было услышать: «Владимира-то отрезом на брюки премировали, чисто английская шерсть!»
Теперь типографский клуб разрушен, от него не осталось и следа. Не так давно я был на месте клуба. Громоздился какой-то мусор, кирпичное крошево, ветер шелестел обрывками газет, и невозможно было понять, что произошло – то ли здание рухнуло само, то ли ему «помогли»? Мне вообще трудно объяснить самому себе, почему времени и людям требуются жертвы: сначала церкви взрывают, потом восстанавливают, сначала оскверняют, потом освящают?.. Так и с типографским клубом – кому он мешал, простояв больше столетия?.. Я помню, какие здесь проходили чудесные концерты заезжих «мастеров эстрады». Попадали они в этот клуб очень просто: это был художественный бартер – ускорение выпуска афиш в обмен на концерт. И высоко пела на сцене двуручная пила, фокусники доставали их картонных раскрашенных цилиндров гирлянды бумажных цветов, разливались обязательные песни народов СССР, отбивал степ лакированными ботинками щеголь в цилиндре, - и сияли восторгом глаза неискушенных зрителей, и громовыми аплодисментами встречали и провожали они каждое выступление. И потом, спустя время, появлялись на сцене уже самодеятельные фокусники, гитаристы, теноры…
Тогда в этом дворе жило несколько семей работников типографии:

Давлеткалиевы, Доронины, Миловы, Глазковы, Бочаровы, Мокшины… Одно время здесь жила и семья директора типографии Клавдии Васильевны Старцевой. Кстати, Клавдия Васильевна пришла в типографию в 1933 году шестнадцатилетней девчонкой. Сначала была ученицей наборщика, а с 1939 года стала осваивать профессию линотиписта. Поясню для тех, кто не знает, что линотип – это строкоотливная машина. Эта машина значительно облегчила труд наборщиков, но была довольно капризна, требовала, чтобы возле нее постоянно дежурили мастера-наладчики. Один из них – Виктор Борщев. Я часто приходил к нему уже в пятидесятые годы, и сидя в его небольшой комнатке-мастерской, мы часами разговаривали обо всем на свете. Он был старше меня и, наверное, его интерес ко мне был вызван тем, что мы вместе с ним были членами Уральского литературного объединения. Я, еще совсем мальчишка, приносил туда свои первые рассказы, Виктор Борщев писал неплохие стихи, мне кажется, к его мнению товарищи по литкружку прислушивались. Виктор казался мне основательным, серьезным человеком. Таким, наверное, он и был тогда. Мне тогда не давала покоя, жгла жажда творчества, я никак не мог дождаться среды, когда можно будет отправиться на литобъединение; вот я и приходил к Виктору с тетрадкой, где набело сочинял фантастические рассказы, в которых мужественные космонавты боролись с иноземным злом, легко справлялись с космическими катаклизмами.

Продолжу о Клавдии Васильевне. С ее именем связана значительная часть истории типографии. Целеустремленная, волевая, властная эта женщина немало сумела сделать для производства. Она могла решить вопрос на любом уровне, местные власти с ней считались. Поднявшись с самого низа, Старцева стала как бы символом типографии. Я не раз слышал, как о ней говорили «не баба, а мужик в юбке». Но вместе с тем в ней много было женственности. Девичья фамилия ее была Нечаева, а затем ее знали по фамилиям мужей – Гусева, Старцева, Завьялова… Так что, видимо, обаяния ей было не занимать… О ее характере, мне кажется, можно судить вот по такому незначительному случаю. Однажды она остановила меня на улице и довольно строго отчитала за то, что я курю на ходу. Мне было тогда лет восемнадцать, и я просто не нашелся что ответить.

- Ты молодой человек, тебе не к лицу ходить по улицам с папиросой в зубах!.. – сказала она, и почему-то я запомнил это замечание. Поэтому или нет, но с тех пор я больше никогда не курил на ходу.

Я спрашивал у многих типографских:

- Что за человек была Клавдия Васильевна?

И многие почему-то отвечали:

- Сейчас таких нет… Не только потому, что прекрасно знала свое дело, была отличной линотиписткой, наборщицей, она была талантливым, незаурядным, можно сказать, прирожденным руководителем… Можно сказать, что она – тем, кем она стала, - сделала себя сама – своей недюжинной волей, целеустремленностью, работоспособностью, умением находить к людям заветные ключики – к каждому свой…

Другие мне говорили:

- Она умела разговаривать и с женщинами, которых в коллективе было большинство, и с мужчинами находила общий язык… Она была «ого!»… Не раз можно было услышать, как один мужчина говорил другому: «Ты лучше ей на глаза сегодня не попадайся, не в духе она!»…

Крута она была порою, но зла не держала, своих в обиду никому не давала. Организатор она была не просто умелый – замечательный. Одного ее слова порою хватало для того, чтобы задание было выполнено… Ее побаивались, но сегодня можно смело сказать: ее любили…

- Она умела поругать, как никто, - вспоминает моя мать, - но она и умела помочь, посочувствовать… Если требовалась помощь, она первая ее оказывала… Она умела ценить и людей, и их труд…

Мария Николаевна вспоминает такой случай. В общем, самый рядовой, но раскрывающий и характер Клавдии Васильевны, и характеризующий то непростое, неоднозначное время.

Моя бабушка в то время, о котором пойдет речь, работала вахтером… То есть сидела в сторожке сутками, наблюдала за порядком, пропускала работников, отворяла, если требовалось, большие типографские ворота. Буквально в двух шагах от входа в наше жилье высились огромные горы угля, который запасали на зиму. Чуть подальше громоздились целые завалы дров. И никогда ни нам, ни другим типографским жильцам не приходило в голову воспользоваться и взять ведерко-другое для своей печки…

Однажды бабушка отправилась к директору. Клавдия Васильевна приняла ее.

- Нельзя ли и нам, когда будет идти заготовка угля, выписать немного топлива – за наличный расчет? – спросила Александра Львовна.

Клавдия Васильевна звала мою бабушку тетей Шурой.

- Тетя Шура, ты меня извини, но как тебе не совестно?..

- Что такое? – всполошилась та.

- Ты на дежурстве ночами, неужели не можешь взять ведро-другое угля?..

- Как же я возьму?! – удивилась бабушка.

- А вот так – я разрешаю… Берите и топите без всякого спроса… Вы живете здесь, вы честно работаете в типографии, неужели за ваш труд, все ваше долготерпение, военную нужду вы не заслужили несколько ведер топлива?.. Не отказывайтесь в память о вашем муже – Николае Ивановиче…

Может быть, в этом случае директор шла на какие-то нарушения, но как это нарушение характеризует ее прекрасные душевные качества!..

Всю свою жизнь Клавдия Васильевна помнила Николая Ивановича Милова, человека, который был ее первым наставником в типографии.

Мне часто казалось, что Клавдии Васильевны было очень много, она поспевала буквально повсюду: и сидеть на совещаниях, и ругаться с заказчиками, и бороться с мужиками-пьяницами, и воспитывать детей, своих, и всех, живущих в типографском дворе. Дети эти доставляли ей немало хлопот. Мы норовили пробраться в цеха, где гремели интересные машины, печатающие газеты, афиши, этикетки, бланки… Типографские дети устраивали во дворе штабы, сидели в засадах, стреляли из рогаток, поражая в основном окна в цехах, старались получить ссадины, порезы, в общем, набедокурить, помешать напряженному производству… И подевать нас было некуда. Детских садов по городу раз, два и обчелся, да и в детских садах почему-то типографские не приживались, не знаю почему…

Наверное, Клавдия Васильевна была ярким образцом тогдашнего авторитарного руководителя. И теперь, по прошествии многих лет, я думаю, что не самым худшим образцом. Жесткость в ней каким-то удивительным образом сочеталась с добротой, даже мягкостью… Она могла во весь голос кричать на работницу, которая, по ее мнению, в чем-то провинилась, но уже через десять минут после этого улыбаться ей, спрашивать о здоровье детей… Старые работницы говорили между собой «опять Клавка орет, зевает на всю контору!..» Но ее любили… При ней типография из небольшого полиграфического производства, оснащенного еще дореволюционной техникой, постепенно превратилась во вполне современное по тем меркам предприятие.

Умерла Клавдия Васильевна в 1994 году, и на ее похороны собралось множество народа. Старые работники типографии, теперь уже пенсионеры, не скрывали своих слез. Казалось почему-то, что вместе с ней закончилась какая-то особая эпоха. Может быть, так это и было…

Две ее дочери – Светлана и Людмила – как будто разделили характер Клавдии Васильевны пополам. Светлана – деликатная, умная, заботливая, Людмила – взрывная, веселая, безоглядная… В шестидесятых годах я часто бывал в доме у Старцевых. Что меня поражало в те годы, так это обилие книг. У большинства из нас в ту пору было по два-три десятка книжек, а вот о личных библиотеках, при всей любви тогдашнего поколения к чтению, мы только слышали, видели в кино. А в этом доме была настоящая библиотека, книги стояли на стеллажах. Я грешник, жадный до книг, часто брал там книжки «на вечер», но все ли из них вернул? – честное слово, не помню, каюсь. Уже когда я в 1964 – 1967 годах служил в армии, Светлана Старцева прислала мне пять или шесть комплектов журнала «Искатель». Поясню, что этот небольшой журнальчик был приложением к журналу «Вокруг света», он печатал исключительно фантастику, детективы, приключенческие повести и романы, - и был в советское время вожделенным для миллионов читателей, и хотя считалось, что он распространяется в розничной продаже – достать его было практически невозможно. И поэтому прислать несколько комплектов этого дефицита мог только человек душевно щедрый. Именно такова и была вся эта семья… Без нее не вижу истории областной типографии…

Но вернемся на праздничный «семейный вечер». Я потому так подробно о нем рассказываю, что мероприятие это многое объясняет в тогдашней коллективной жизни. Она на самом деле во многом была коллективной, может еще и потому, что людям казалось, что сообща проще преодолеть все трудности, нехватки того времени. Люди привыкли делиться куском хлеба, нехитрой одежкой, поэтому казалось, что и праздники нужно отмечать вместе.

После торжественного словоговорения, которое нередко затягивалось часа на два, начинался концерт художественной самодеятельности. Артисты, которым предстояло петь или читать патриотические стихи, очень волновались, нервно шагали в узких, захламленных пространствах за сценой, а все прочие ждали, когда уже можно будет перейти к столу. Некоторые успевали приложиться к бутылке еще загодя, говорили: «Счас Вовка рванет целинную!..»

В середине пятидесятых запевалой типографского хора был Владимир Николаевич Милов, только что к тому времени вернувшийся из армии. И хотя прослужил он более пяти лет на далеких Курильских островах, и пережил тайфуны, и ежедневные сто грамм, которые положены были тогда военнослужащим на советском Дальнем Востоке, но почему-то все его звали не иначе, как Володька. Может быть, за его незлобивый, покладистый характер и готовность выполнять в типографии любую работу. Голос у него был совсем неплохой, и он самозабвенно выводил: «Едем мы друзья в дальние края, станем новоселами и ты, и я…».

И вот, наконец, все переходили за стол. Усаживались шумно, со смехом, с приговорками. Мужчины непременно должны были сидеть по правую руку от своих жен или дам. Так последним было удобнее осуществлять контроль за количеством выпитого. «Владимир, тебе достаточно!», «Николай, хватит, кому говорю!» или «Виктор, ведь клятвы давал!» - эти фразы начинали звучать уже через час-другой после начала застолья.

Нередко на эти вечера приглашали известную в городе гармонистку Глухову. Мы, ребята, называли ее просто тетей Лидой, и на Пасху бегали к ней христосоваться. Жила он в большом одноэтажном доме, что стоял едва ли не в притирку к огромной, из красного кирпича, стене типографии. Двор ее, заросший сиренью и акациями, казался таинственным, впрочем, таким он и был, часто, забравшись в него, я находил то разбитую фаянсовую чашку с надписью «Уральскому казачьему войску 300 лет», то щербатую монету с профилем бородатого дядьки, царя-кровопийцы.

Тетя Лида Глухова играла на популярной тогда саратовской гармонике с колокольцами. Сама по себе гармошка эта была забавна, как бы изначально, еще до игры, весела, жизнерадостна, с красными кожаными мехами, но еще забавнее были припевки Глуховой. К сожалению, не помню ни одну из них, но они всегда вызывали смех, им подпевали, под них пускались в пляс.

Ее муж - Александр Глухов тоже некогда работал в типографии. Он был столяр, и ему была поручена ответственная работа – он изготовлял деревянные ручки для печатей и штампов. Тогда в типографии существовало штемпельное производство, по тем временам весьма секретное, на окне цеха была тяжелая стальная решетка, диковинная по тем временам. Ночью цех этот сдавался под специальную охрану. Я помню, что там работала Надежда Константиновна

Надеждина, с ее сыном Валерием мы тогда дружили… Мне интересно было знать, что же такое таится в цехе за всегда закрытой дверью… Помню, как я был разочарован, попав туда впервые – там стояло несколько столов, на них обычные верстатки, стояли кассы со шрифтом… Не было ничего таинственного, я озирался по сторонам, надеясь увидеть какие-то неведомые приборы, может быть, даже пулеметы и орудия, но ничего такого не обнаружил…

Специальность Глухова тогда звучала так – токарь по дереву. Кстати, до Глухова этим занимался Александр Милов, родной брат Николая Ивановича…

Надежда Константиновна Надеждина была хорошей наборщицей, потом освоила специальность линотипистки… В штемпельном цеху, кстати, изготовляли не только печати, но и экслибрисы - по тем временам заказы необычные.

Кстати о секретности. Мне рассказывали, что во время войны в типографии, как раз в штемпельном цехе, тоже в обстановке секретности, изготовляли специальные листы для игры в преферанс. Надо полагать в этот преферанс сражались не те мальчики, которых за день-два до отправки на фронт направляли в типографию, где они должны были попеременно вращать вручную огромные маховики печатной машины - отключение электричества было делом обыденным, почти как сейчас, и тогда на помощь из военкомата присылали призывников. Так что, еще не попав на фронт, они уже были причастны к сообщениям Совиформбюро, которые печатались в газете.

Тете Лиде Глуховой выпал долгий век, она прожила, по воспоминаниям знавших ее людей, около ста лет…Она была веселым человеком, помню, мы, ребятишки, на Пасху обязательно бегали к ней христосоваться, и она одаряла нас крашеными яйцами, сдобой, сладостями…

Семейные вечера продолжались едва ли не всю ночь. Это долгое застолье не каждому удавалось одолеть, кое-кого укладывали на сцене на какие-то тюфяки, и там отоспавшись, герои возвращались к столу опохмеляться, а, опохмелившись, поддерживать нестройную песню, которая возникала после третьей-четвертой рюмки: «Вот кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идет, на нем защитна гимнастерка, она с ума меня сведет…»

Не обходилось и без любовных конфликтов. «Котька опять Нюську приревновал… А Колька-то буянил, страх!..» - слышал я разговоры, а, значит, кого-то ночью разнимали, мирили, кого-то утихомиривали… Но все конфликты заканчивались полюбовно, сдвинутыми поутру стаканами… Насколько мне известно, врагов себе

никто не заводил. Жизнь была полна лишений, трудностей, не до этого было… Случалось, что рассорившись, подруги не разговаривали месяцами, но потом их дружба обязательно расцветала еще пышнее. Я слышал, как о таких подругах-не разлей вода говорили: «Катька с Галькой чисто двоечки…»

Сообща отмечали не только праздники. В обширном дворе типографии под старыми акациями стоял огромный стол, и летом за ним обедало большинство полиграфистов. Некоторые, кто жил поближе, уходили домой, но остальные выносили свою нехитрую снедь под открытое небо – вареную в мундирах картошку, огурцы, соленое свиное сало, сахар в белых бумажных кулечках… Семейные пары, а были и такие, обедали за этим же столом, но особняком от других, все остальные часто соединяли свои запасы, получался как бы один общий дастархан. Для чаепития был в типографии огромный самовар, ведра два-три воды помещал он в себя. Никогда больше мне не приходилось видеть такого пыхтящего паром, сверкающего латунными боками, самоварного монстра. Чего-чего, а воды тогда было в достатке… Но скажу к слову, что не всем по душе была колодезная вода. Чайные гурманы считали, что самая лучшая вода для чая – из Урала. И многие ежедневно ходили для этого на реку. Современные читатели могут не поверить: разве можно пить воду из реки?.. Да, сегодня не каждому придет это в голову, глядя на цвет этой воды, на нефтяные разводы… А в начале пятидесятых уральную воду пили, да нахваливали… Не было ее слаще для моих земляков.

Теперь немного истории. Уральская типография одна из самых почтенных по возрасту в Казахстане. Когда-то учеником наборщика здесь работал татарский поэт Габдула Тукай. Литературоведы утверждают, что именно в Уральске происходило становление Тукая, как литератора. Здесь же он пережил свою первую любовь. Старые работники рассказывали мне, что им приходилось общаться с теми, кто работал вместе с Тукаем. Одним из них был Александр Софронович Гладышев, наборщик начала века, о котором с уважением вспоминали в типографии даже в шестидесятые годы. Утверждают, что он был настоящим мастером своего дела, вот он и передавал некогда свое умение юному Габдуле. В тридцатых годах Александр Софронович был директором типографии… К сожалению, сведения об этом человеке у меня очень скудные, но все, кто знал его, говорят о нем, как о замечательном специалисте.

Кажется, в конце пятидесятых единственное в Уральске полиграфическое производство, стало именоваться типографией имени Тукая. Но не могу припомнить, чтобы хоть кто-то здесь интересовался поэзией татарского классика. Не знаю, чем объяснить это. Проще всего сослаться на трудные времена, дескать, не до стихов. Но это неверно. Уральск – это город, который время от времени захлестывают поэтические волны. Но даже во время «отлива» кажется, что рифмы не дают покоя здесь буквально всем. Пишут и наводняют газеты своими виршами токари, плотники-бетонщики, комбайнеры… А как пишут учителя! Педагогические поэмы! Медики разят наповал сонетами об инфекционных заболеваниях. У меня была одна знакомая почтальонша, которая вместе с газетами, письмами, подкладывала в почтовые ящики листочки со своими стихами… Правда, при этом под своими сочинениями не ставила подписи. Поэт-инкогнито…

А вот Тукая почему-то вспоминали не часто… Но, может быть, теперь положение исправится, ведь в 2001 году в центре Уральске был поставлен памятник поэту…

…Мои воспоминания часто отрывочны, в них никак не упорядочена хронология, но, наверное, все воспоминания такие, ведь это не дневник. Что-то, может быть самое главное, уже забылось навсегда, что-то не очень значительное никак не выветривается из памяти. Это, конечно, не извиняет меня как автора этих заметок, но хотя бы объясняет их природу…

Мою бабушку Александру Львовну, вечная ей память, я все свое детство знал под фамилией Милова. Это была фамилия ее мужа, замечательного человека - Николая Ивановича. Кто бы и когда бы, не заводил о нем речь, всегда говорили о нем уважительно. Я не знал его, он погиб за два года до моего рождения, но, конечно же, очень многое слышал. И от его дочери Марии Николаевны Акатьевой, и от его сына – Владимира Николаевича Милова. По матери они приходятся мне теткой и дядей.

Наверное, о Николае Милове нужно было рассказать еще в самых первых строчках моего повествования - он один из тех, о которых говорят «незаменимый», «самый-самый специалист». Было бы справедливо, если бы в новой областной типографии ему и Клавдии Васильевне была установлена мемориальная доска. Николай Иванович был человеком большой души. Прекрасным семьянином, никогда не повысившим голос ни на жену, ни на детей. Он был прекрасным наборщиком, потом сменным мастером, начальником

наборного цеха. Когда грянула война, то ему, как отменному специалисту, полагалась бронь. Он мог бы всю войну работать в типографии, и никто бы и никогда бы не упрекнул его в этом. Тем более, что работа эта была не самой легкой. Но Николай Иванович отказался от брони, ушел на фронт в августе 1942 году, а пропал без вести в ровно через год – в августе 1943 года. Он воевал на первом Украинском фронте, был в войсках связи… У нас дома никогда не верили, что он погиб, не вернется… Еще в шестидесятых годах я слышал, как говорила мать: «Может быть, в плен попал, а оттуда дорога нелегка… Живет где-нибудь в Европе, даже весточку о себе подать не может». А иногда, вдруг, в какой-нибудь газете мелькала подпись – «Н.Милов», и тогда я слышал: «А, может, это Николай Иванович? В жизни всякое бывает, нашел другую семью…». Никому не хотелось верить в его гибель, так что готовы были простить ему все – даже супружескую измену, лишь бы он был жив!.. Многие годы спустя в типографии вспоминали Николая Ивановича добрым словом… К сожалению, я знаю о нем не очень много, хотя – так получилось – его имя дало мне отчество – я «Николаевич» не по отцу (отца звали Зайнушем) а по деду, хотя он и дед мне неродной. Вот, попробуй, разберись.

В те времена это не было редкостью – давали совершенно невообразимые имена, прибавляли или наоборот убавляли возраст. Скажем, для того, чтобы дольше получать продовольственные карточки. Извиняюсь перед читателем, что привожу примеры из собственной семьи, но, мне кажется, они очень показательны – они как бы объясняют прошедшее время, а с другой стороны, должно быть, делают его еще менее понятным для нынешней молодежи. Так вот, моя бабушка Александра Львовна полюбила, вопреки родительского благословения, то есть вне брака. И родилась моя мать, которой дали имя Агриппина. Жили тогда Доронины в небольшом селе Оренбургской области – не то Мансурово, не то Манцурово, а кто-то мне говорил, что хутор назывался Доронькино – точнее мне не удалось выяснить… Жили по тем временам небогато, на Пасху в дом соседи несли куличи, крашеные яйца, конфеты, - на бедность… Но мне рассказывали, что когда плававшие целый день в пруду гуси начинали вечером возвращаться по дворам, то когда первый доронинский гусь входил, переваливаясь, во двор, то последние еще плавали в пруду – такая была длинная цепочка гусиная…

По тем временам родить без мужа – было не просто вызовом сельскому обществу, это было невозможно – позор немалый, и бабушка моя вынуждена была покинуть

село, уйти с малолетней Агриппиной в Уральск. Впрочем, уже с малолетства мою мать все стали называть Галиной. Многие, знавшие ее не одно десятилетие, так и никогда не узнали ее настоящее имя.

Немало пришлось хлебнуть горюшка и трудностей Александре Львовне с крошечной дочкой на руках. И в прислугах намаялась, и дочь пришлось на воспитание отдать родственникам. Вот именно в то время и прибавили родственники несколько лет к возрасту Агриппины, так что и до сих пор не знает она, сколько ей точно лет… Она только предполагает, что родилась в 1923 году… А, может, и позже?..

В Уральске бабушка моя, а по тем временам красивая молодая женщина, познакомилась с Николаем Ивановичем Миловым, работником типографии – «специалистом», как тогда говорили. Он был 1905 года рождения, с 14 лет пошел работать в типографию учеником наборщика. Тогда типография располагалась на нынешнем проспекте Достык-Дружба, около поликилиники, а потом она размещалась в кирпичном одноэтажном здании по улице имени Чапаева – до недавнего времени на стене этого дома была мемориальная табличка. Не знаю, сохранилась ли она?

Доля ученика была тогда нелегкой, посылали за водкой, били линейкой, - так тогда учили. В семье было трое детей, он самый старший. Его отец умер, когда Николаю было около десяти лет, а вскоре умерла и мать… А времечко на дворе было – сначала гражданская прокатилась по краю, опустошив станицы и города, потом обрушился страшный голод, а потом коллективизация… И вот в это голодное, страшное время Николай остался с малолетними братьями на руках… Но человек он был ответственный, трудолюбивый, - и сумел выйти в люди.

Бабушка моя любила его беззаветно, я сам слышал, как она говорила кому-то уже в шестидесятые годы:

- Даже, как его пот пахнет – я любила…

У них родились дочь и сын – Мария и Владимир… Мария Николаевна рассказывала мне об отце:

- Был он невысокого роста, даже чуть-чуть ниже матери. Был очень добрый, мы никогда от него худого слова не слышали…

Жила семья прямо во дворе типографии. Моя мать девчонкой бегала по цехам, типография была ее домом, и останется им навсегда…Даже теперь, когда здание полуразрушено, местами обветшало, оно воспринимается мамой именно родным

домом. А если учесть, что она проработала потом здесь сорок три года, то домом вдвойне. Мама поступила в типографию 19 апреля 1939 года, конечно, не без влияния отчима, который к тому времени был начальником наборного цеха, а потом и заместителем директора. Она быстро освоила специальность наборщика, потом и метрампажа. С гордостью за нее говорю, что до самой своей пенсии она считалась лучшим специалистом своего дела в типографии…

Здесь же в типографии она познакомилась с наборщиком Зайнушем Гумаровичем Туктамышевым, моим будущим отцом, и вышла за него замуж. У них в 1940 году родилась дочь – Милочка, которая, царство ей небесное, умерла во время войны. Рассказывали, что мой отец был прекрасным наборщиком, умел набирать любой текст «вслепую»…

Грянула война. Отец ушел на фронт, ушел воевать и Николай Иванович Милов. Отец воевал хорошо, два раза был ранен. В 1944 году после ранения приезжал в отпуск домой, ходил, прихрамывая, с тросточкой. Очень переживал, что умерла дочь – назадолго до его отпуска… А в 1945 году родился я, за шесть дней до парада Победы в Москве… Не знаю, тогда ли вошли в мою душу победные радость, счастье, любовь к весне, но праздник 9 мая – самый для меня дорогой. Я помню, что в нашем доме под стеклом висела фотография Николая Милова, снятого с моей бабушкой – Александрой Львовной Миловой. Бабушка сидела на стуле, а Николай Иванович стоял… Простые спокойные лица… Тогда почти не было любительской фотографии, съемка превращалась в целый ритуал. Нужно было приготовить праздничную одежду, а как же иначе? – отутюжить ее, а часто и аккуратно заштопать, наложить заплаты, а потом выбрать время – чаще всего воскресенье, отправиться в фотоателье, там еще выстоять в очереди, любуясь выставленными напоказ шедеврами – парочками со склоненными друг другу на плечи головами, семейными портретами, карточками детишек. В Уральске самым известным фотоателье было «Модерн», оно обреталось на улице Крестовоздвиженской, которая в советское время получила название Коммунистической. Ателье это работало еще и в шестидесятые годы, мы с друзьями снимались там перед уходом в армию в 1964 году… Так вот, фотография Николая Ивановича и моей бабушки была сделана именно в «Модерне»…

В 1935 году Николай Иванович был командирован в поселок Лбищенск, теперь он называется Чапаево, для организации там сельской типографии, создания какой-никакой полиграфической базы для выпуска районной газеты. От Уральска

поселок находится в 127 километрах, по нынешним временам на машине можно добраться за час, если идти по Уралу, то расстояние по воде около двухсот километров. Мне приходилось на веслах проходить этот путь за семь дней, особенно не напрягаясь. В те годы все было иначе. Асфальтового полотна, ныне связывающего областной центр и Чапаево, тогда не было, автомобилей, способных отправиться в такой путь, да еще с грузом полиграфической техники, тоже не нашлось. Оставался водный путь.

Погрузили на пароход печатную машину, так называемую «американку», две кассы шрифтов – казахского и русского, еще кое-какое оборудование, собралась и семья – Александра с двумя детьми Машей и Володей – как в такую дальнюю командировку без семьи? – и пароход зашлепал шлицами огромного колеса. Проплыли мимо купола Михайло-Архангельского собора (он будет закрыт спустя два с лишним десятилетия, в него затащат чучела зверей, устроят какое-то подобие музея; из собора, памятника казачьей старины, пропадут некоторые иконы; и он будет возвращен верующим только в девяностые годы прошлого столетия), ветлы ханской рощи – здесь некогда был возведен в ханское достоинство правитель Букеевской орды – Жангир, осыпающийся Жемчужный яр…

Пароход шел неспешно… Сама жизнь была такой. Хотя и взбаламучена она была беспощадной гражданской войной, прокатившейся здесь пятнадцать лет назад, коллективизацией, хотя уже взорваны были многие храмы в Уральске и станицах, а многие осквернены и стали клубами, кинотеатрами, складами, все же не истреблен был до конца многовековой уклад жизни, берущий силу свою и традиции от реки, опирающийся на нее… Еще выходили к берегу на шум парохода казачки, еще можно было выменять или купить здесь сметану, сливки, тающий во рту «каймак», вечерами ветер доносил откуда-то песню: «Число настало роковое…». На закате вода кипела от рыбы, ночью, как взрывы, слышны были всплески огромных рыбин – тогда еще Урал славился свой «красной» рыбой – многопудовыми осетрами, белугами, остроносыми севрюгами… А какие здесь были сазаны, золотобокие, толстогубые, неподъемные! Жадные жерехи на перекатах охотились за мальком и их серебристые тела нет-нет, да взлетали над водой!.. В омутах под корягами обитали невиданные сомы, ими пугали, дескать, утащат, ребятишек, но те ничего не боялись и целыми днями не вылезали из воды…

Десять дней шел пароход от Уральска, причем, заметьте, шел по течению… А сколько бы он пробивался против довольно сильного течения Урала?..
В Лбищенске путешественников ждали и встретили, разгрузили оборудование, выделили саманный барак под типографию. Жить поселили в таком же саманном помещении. С одного торца его была аптека, с другого вход в комнату, где обитали Миловы. Типографию наладили, немало для этого пришлось потрудиться Николаю Ивановичу. Помогал ему и Константин Бочаров. По сути дела они стали основателями местной типографии. Помнят ли об этом чапаевские полиграфисты? В тамошней типографии теперь печатают не только газеты, бланки, плакаты, но и выпускают даже художественные книги.
Помогать в организации редакции газеты из Уральска был командирован Юрий Терентьевич Губанов, опытнейший журналист, прекрасной души человек. В конце шестидесятых годов, когда я работал в сельхозотделе газеты «Приуралье», Юрий Терентьевич был заведующим этим отделом; я поражался его работоспособности, добросовестности, всегдашней отзывчивости, глубоким познаниям.
Почти год прожили Миловы в Лбищенске, типография заработала, а Маша успела закончить в тамошней школе первый класс. Но домой они не вернулись. Точно такую же типографию было поручено Николаю Ивановичу организовать в поселке Карши, и семейство переехало на новое место временного проживания.
В Уральск приехали только в 1937 году. Милов стал техническим директором областной типографии. Его ученицами тогда стали Клавдия Васильевна, будущий директор типографии, Полина Павловна Истомина, Катерина Павловна Колузанова – им скоро уже предстояло стать гордостью типографии, наборщиками высочайшего класса… Они были еще совсем девчонками, молодыми, привлекательными, а работа наборщика в то время не имела графика – по двенадцать, четырнадцать часов в сутки нужно было стоять над наборными кассами, а иногда и больше. Время от времени к окнам типографии «прилипали» молодые парни – ухажеры… Звали на танцы, даже в кино, но как уйти?.. В 37 году уйти самовольно из цеха, значило получить тюремный срок. Девушки подходили к Николаю Ивановичу, мялись…
- Что вам? – спрашивал он скорее для порядка, знал ведь, что им нужно…
- Николай Иванович, ребята пришли…
- Ааа… Ладно, бегом… Чтобы только никто не видел…
Девушки убегали, а их начальник сам вставал за набор. Говорят, что работал он

просто классно. Четко, быстро, грамотно набирал текст и на казахском, и на русском языках, и все это вручную…

Рядом с ним работал еще один специалист, которого иначе, чем «золотые руки» и не назовешь – Иван Куприянович Чапурин. Он разбирал текст, был разборщиком. Работа эта была очень ответственной и кропотливой. Нужно было использованную печатную форму разобрать, и все буковки-литеры, конечно же, испачканные типографской краской, кое-как отмытые керосином, положить в свои отделения кассы, не перепутать ни одной, иначе при наборе произойдет ошибка.

У Ивана Куприяновича были больны ноги, и для него был специально сделан высокий стул, и он сидел на нем долгими часами, филигранно выполняя свою нелегкую работу. Он умер молодым, потому, что был очень болен. А вот его сестра – Анна Куприяновна Горлова дожила до ста лет… Из этого известного в Уральске семейства в типографии работали еще Николай Куприянович – печатником, его племянница Надежда Горлова – тоже в печатном цехе…

Закончу историю моего «отчества»… Отец мой после войны вернулся в типографию. Время было… Написал эти два слова – и задумался… А когда было время простым? То война, то голод, то разруха, то… Моя мать как-то в сердцах сказала: «Если на то пошло, то ведь по настоящему и не жили – вволю, как хотели – никогда… Не ели досыта, туфель на каблучках не носили…,«награждали» нас за то, что из цехов не вылезали тапочками да отрезами сатина…». А однажды ее «премировали» бутылкой спирта, и ее мать – моя бабушка Александра Львовна отправилась на рынок в надежде продать спирт, а на вырученные деньги купить что-то из еды. На бутылку спирта можно было выменять две буханки хлеба. Базар шумел, кто-то на нем торговал, а кто-то смотрел, чем тут можно поживиться… Подошел к бабушке фронтовик на костылях, подозрительно посмотрел на бутылку.

- Спирт? – спросил строго.

- Он самый! – подтвердила она, смущенная строгостью подошедшего. Может, вообще нельзя торговать, еще обвинят в спекуляции?

- Наверное, технический? – продолжал фронтовик. – Его и пить нельзя…

- Самый что ни на есть питьевой! – горячо заверила его она.

Опираясь на костыли, он взял бутылку, посмотрел через нее на солнце, взболтнул жидкость, заключенную в ней. Вынул пробку, свернутую из газеты, понюхал… Бабушка, как завороженная, смотрела на него. И тогда он поднес горлышко ко рту,

запрокинул голову и в мгновенье ока влил в себя больше половины спирта… Она не сразу поняла, что произошло… Ее просто обокрали. Она в крик – «помогите!», но что взять с инвалида? Он и скрываться не стал, устроился неподалеку на пустых деревянных ящиках, и вскоре уже спал, как младенец – среди подсолнечной шелухи, крика и толчеи базара…

Инвалидов было очень много – с палочками, на костылях, с черными повязками на глазах… Безногие передвигались на самодельных деревянных тележечках с крошечными колесиками – из шарикоподшипников; инвалиды отталкивались от земли такими небольшими деревянными колодками, похожими на дверные ручки, и тележки отчаянно тарахтели по булыжным мостовым и тротуарам, выложенным кирпичом… Потом я узнал, что многие тротуары были сооружены в тридцатых годах из кирпича взорванных церквей…

Многие инвалиды с раннего утра уже были у пивных ларьков, рюмочных, грязных столовых, где продавали спиртное на розлив… Некоторые уже не стеснялись просить милостыню. Не могу сказать, были ли среди них фронтовики, но даже, если и не было, то уже тогда – совсем еще мальчишкой – я помню, как кто-то говорил шепотом: «Да, наградили победителей!.. Костылями да пенсией грошовой!..».

Помню одного инвалида, которого часто видел на прежней Туркестанской площади, потом эта ее часть называлась улицей Театральной. У него был аккордеон, может, трофейный? – и когда он играл, вокруг него собирались женщины, мы, мальчишки… Женщины вытирали слезы…

На аккордеонах и баянах тогда играли едва ли не во всех ресторанах Уральска, забегаловках. Забегаловки именовались «голубыми Дунаями», до сих пор не знаю почему…

Рестораны почему-то считались гнездом порока, например, быть официанткой считалось по меньшей мере, стыдным… Тогда в ресторанах не было помостов для музыкантов, специальных возвышений, аккордеонисту просто ставили стул где-нибудь около буфета и он, постелив на колени кусок потертого, блестящего бархата, играл вальсы, танго, фокстроты, а по заказу «Мишку», «Огонек»… А была еще песня про героя-штурмана: «С подвешенной бомбой в машину он сел, проверив свои пулеметы, взревела машина, и он улетел чужие бомбить самолеты…». Сейчас песня вызывает улыбку своей наивностью, безграмотностью даже, а тога ей подпевали: «…пред ним расположен был город Берлин, и штурман

готовил расчеты, как, вдруг, он заметил в ущелье одном строчили по нем пулеметы… Машина пылает, но штурман-герой направился с ревом могучим туда, где стояли уж несколько лет цистерны с немецким горючим…». Огромное множество таких песен привезли победители с фронта, слова этих песен переписывались из тетрадки в тетрадку, из записной книжки в записную книжку, обрастали новыми куплетами, иногда изменялись до неузнаваемости… Их пели по большей части в застольях, они были обильно политы скупыми солдатскими слезами, а к середине пятидесятых почти совершенно забыты…

А во многих семьях не дождались даже инвалидов… Мужчины стали на пересчет… А уж если бравый офицер-фронтовик, в галифе, с орденами на груди, с пачкой «Казбека» в кармане – так это мечта каждой девушки… А сколько слез было пролито во вдовьи подушки?.. А как выводили в каждом застолье женщины с тоской в голосе: «Вот кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идет, на нем защитна гимнастерка, она с ума меня сведет. На нем погоны золотые…». А он все не шел, милый, в золотых погонах… И даже без погон не шел, и даже с костылями не мог прийти… Давно получен на него казенный конверт с похоронкой… Или пришла непонятная бумажка – «Пропал без вести…» - потерялся что ли? В плен попал?..

И так случилось, что не устоял отец перед одной из подруг матери… В общем, как говорили тогда, «дело житейское»… Мать узнала об измене и не смогла простить… Она ждала его всю войну, пережила смерть дочери, а он!.. Многие годы отец пытался добиться прощения, но мать была непреклонной… В запальчивости она изменила мое отчество, и я стал Николаевичем… Не сужу никого, время сгладило многое… Война исковеркала столько судеб!..

Отца помню улыбчивым, уравновешенным; почему-то улыбка его казалась мне немного смущенной, может, виноватой? Он уже ушел из жизни, вечная ему память… Мать больше никогда не выходила замуж…

Во время войны в типографии оставались почти одни женщины… Зимой огромное помещение было невозможно протопить, да и дров, угля негде было взять, поэтому топили только в одной комнате – потом там долгие годы размещалась контора типографии, а в недавние годы размещалось не то кафе, не то ресторан – и там работал почти весь тогдашний коллектив, в тесноте, да почти в тепле и не в обиде… Работали по большей частью при свечах, дуя на озябшие пальцы… А в основных цехах замерзала вода, шныряли, нисколько не боясь людей, огромные

наглые крысы…
Очень часто газеты печатали вручную. Электроснабжение было таким, что свет мог выключиться в любой момент, и его не было по многу часов, даже дней… А газета ждать не могла, тем более тогда, в военное время, когда каждое сообщение с фронта ждали с жадным нетерпением…
Но что значит – «печатать вручную»? Это легко сказать, а сделать?.. Из военкомата приводили призывников, и перед тем, как погрузить их в эшелоны, они специальной ручкой крутили огромное колесо самой большой тогда печатной машины… Наверное, это можно сравнить с проворачиванием холодного мотора грузовика, только потруднее… Я видел эту машину, ее огромный стальной талер, то есть место, куда устанавливались печатные формы, походил на небольшую сцену, и при работе машины с грохотом уезжал под валики с краской и барабан с бумагой, и через секунду выезжал назад, а с противоположного конца машины деревянные рейки, похожие на огромные ресницы, выбрасывали отпечатанные экземпляры…
Прокрутить вручную эту машину, выпущенную еще в конце девятнадцатого века, было очень нелегко… Но призывники по очереди крутили колесо – в холоде, голодные, с горящими глазами… А через день уезжали на фронт. В сорок втором Уральск, тогдашняя Уральская область, были ближайшим тылом Сталинградского фронта; южные районы области подвергались фашистским бомбардировкам… Часто типографские даже и не уходили по домам, спали по нескольку часов на стопах бумаги и опять вставали к рабочим местам или шли на дежурство в госпитали…
Хлебный паек привозили прямо в типографию, был даже специальный ящик для этого. Весы стояли прямо в печатном цеху. Хлеб развешивала Мария Бочарова – тетя Маруся, так ее звали все… Ее муж – Константин – тоже был полиграфистом, работал в областной типографии, а потом находился в числе тех, кто налаживал районную типографии в Лбищенске, переименованном потом в Чапаево. Как известно, в Лбищенске, при невыясненных до сих пор обстоятельствах, погиб в гражданскую войну знаменитый начдив – Василий Иванович Чапаев…
Константин Бочаров вместе с другими был направлен туда для организации районных типографий. Он был арестован, больше домой не вернулся, мне его судьбе неизвестна… Тогда не каждый решался поинтересоваться: за что арестован, почему, может, он и не виноват? Пропал человек, и что тут говорить?..

Наверное, родные горевали, справлялись о нем, где положено, но говорить об этом не было принято…

Муж исчез в ГУЛАГе, а жена с двумя детьми – Тамарой и Юрой – осталась жить в Уральске при типографии – в подвальной крохотной каморке… Там было только одно крохотное окошко почти под самым потолком. Я бывал в той каморке, но всегда боялся – нужно было проходить коридор, потом спускаться по темной лестнице, потом опять идти коридором, и сворачивать направо – там и была дверь в помещений… По нынешним понятиям это был просто подвал, и в нем, чтобы не пропасть в непроглядной тьме, всегда должно было гореть электричество…И в шестидесятые годы, когда я туда приходил, всегда горели мощные лампочки, как бы дополнительно подчеркивая подвальную, погребную сущность помещения…

Тетя Маруся ездила за хлебом вместе с типографским конюхом, который запрягал в телегу понурого, голодного конька… Через весь голодный город они вдвоем возили драгоценные буханки и ни разу не произошло никаких инцидентов, да и в голову никому прийти не могло ограбить голодных… Не от голода крадут, нет… Это сегодня легко убивают за деньги, золотые безделушки, за какую-нибудь дурацкую шубу – разве от голода?.. А в те годы много было страшного, не всегда понятного, но голодные голодных не грабили, в нашем доме до самых шестидесятых годов понятия не имели о замке, запорах… Никто не пугался, если внезапно открывалась входная дверь, - значит кому-то надо!..

Тетя Маруся привозила хлеб и принималась развешивать его, с точностью до грамма, а из всех углов за ней следили огромные крысы… Время от времени она кидала в них металлические «марзаны» - тяжелые плашки, с помощью которых «заключали» печатные формы в печатные машины. Но крысы даже и не реагировали, запах плохо пропеченного, тяжелого хлебы действовал на них сильнее опасности. Когда тетя Маруся завершала свою работу, крысы остервенело бросались на весы, в надежде, что там остались хотя бы крошки. Напрасно они на это надеялись… В памяти многих типографских осталась такая картинка, нередкая в то время: две крысы качаются на весах, одна на одной их чашке, другая – на второй…

А под приземистым и вытянутым на весь квартал зданием располагался огромный, мрачный подвал, и в нем был продуктовый склад. Он был там и во время войны, и много лет спустя - тоже. Скорее всего, это был воинский склад, потому, что часто у его входа я видел людей в форме…

Во время войны из подвала наверх, в наборный цех типографии поднимались дурманящие запахи подмороженной картошки, огромной бочковой сельди, называемой каспийским заломом, каких-то маринадов, а еще головокружительный запах яблочного повидла, давно забытого на вкус. И это когда полиграфисты едва держались на ногах от голода, холода, смертельной усталости… А в деревянных полах наборного цеха были такие щели, что если лечь на пол, то видны были кучи картофеля внизу… Непереносимое зрелище. И однажды трое наборщиков, не стану называть фамилии, решились на поступок, который в те времена вполне мог стоить им свободы, если не жизни… Они нашли длинный кусок проволоки, заточили один его конец, просунули проволоку в щель, и не без трудностей накололи одну картофелину… Подняли ее, затем другую… Всего две или три картофелины достали они из склада, сварили и, обжигаясь, съели… Не всем из них исполнилось тогда двадцать… Но долгие годы потом их мучили угрызения совести, и если бы можно было вернуть тот далекий день, то, конечно бы, они предпочли бы самый жестокий голод этим трем картошкам, которые они помнили всю жизнь…

Конечно же, я интересовался, случалось ли такое, чтобы в 30-е - 40-е годы, ведь годы были страшные, энкавэдэшные, из типографии кого-то забирали, арестовывали?

Но никто этого как будто не помнил, может, самим временем память так настроена? Мария Николаевна Акатьева покачала головой, сказала после некоторого раздумья:

- Случалось такое… Был арестован один из директоров типографии – Зиновьев… Об этом почти не говорили, просто знали об этом – и все… Не положено было говорить, да и опасно… Жена арестованного много лет потом – наверное, жила поблизости, - проходила мимо проходной типографии и с ней все типографские здоровались, но никогда не заговаривали – не здороваться невежливо.

Еще в те годы был арестован Синькин – из переплетного цеха…

Не удалось выяснить даже имен Зиновьева и Синькина…

Я спрашивал у ветеранов типографии: полиграфическое производство – это много машин, довольно опасных. Были ли в годы войны и сразу после них случаи тяжелого травматизма… Все сходились на том, что таких травм не было…А газету тогда печатали сутками, хотя тиражи двух областных газет – на русском и казахском языках – были невелики; во время войны около тысячи экземпляров…

Но техника полиграфическая – ручная подача бумаги в плоскопечатные машины, ручной набор, частое отсутствие электроэнергии - не позволяла ускорить работу, облегчить ее… Я уже говорил, что печатные машины вручную приводили в действие призывники… Но этой тяжелой работой занимались не только они. Нередко привлекались и заключенные из местной тюрьмы, про которую говорили, что она – уменьшенная копия Петербургских «Крестов»…Во всяком случае, она является историческим памятником…Узилище из красного кирпича с метровыми стенами построено в прошлом веке как тюремный замок и с тех пор именуется в городе не иначе как «дом, где сорок труб» - некогда именно столько печей и соответственно труб было здесь. Ну и еще говорят, что за все годы существования тюрьмы, отсюда был совершен только один побег.

- Упаси Господь, чтобы тогда в газете прошла ошибка! – говорит Мария Николаевна. – Корректоры были всегда в страшном напряжении… Ошибка, даже самая невинная, могла дорого обойтись допустившему ее…

Мать рассказывала такой случай. Произошел он в то время, когда редактором областной газеты, выходящей на русском языке, был Погодин – высокий, седой, статный, красивый человек. В газетном объявлении прошла ошибка. Даже несуразность, которыми, в общем-то, изобилует история газетного дела. Объявление приглашало горожан воспользоваться услугами мастерской, которая изготавливает женские шерстяные вязаные шапочки. И была в этом объявлении не замеченная никем – ни наборщиками, ни корректорами, ни дежурными редакторами - строчка. Она гласила: «Шапочки вяжутся из шерсти заказчика».

В кабинет директора типографии, где находился и Погодин, вызвали всех, причастных к появлению этого ляпа.

- Как вы могли допустить такое! – возвысил голос редактор. – Это не простая ошибка, она дискредитирует всю нашу работу! Это, если хотите, политическое дело!..

Тогда никого не удивлял такой поворот дела, еще не перевелись охотники навешивать ярлыки, «шить дело». В общем, крику было много, а итог – лишение премий, которыми в то время и так не баловали…

…В годы войны голод стал постоянным спутником. Варили супы из жмыха, мучели, летом объедались щавелем, ближе к осени собирали кислые, терпкие ягоды терна… Терн обваривали кипятком, замачивали и ели помногу, до страшной оскомины… Хлеб обязательно запивали большим количеством воды, так

создавалось ощущение сытости. По утрам от такого ужина люди отекали, глаз не было видно, но голод не отступал…

Отзвуки того страшного голода дошли и до пятидесятых годов. Я помню, что самым большим лакомством считал блюдечко с подсоленным подсолнечным маслом, в которое макал сухари… Бабушка доставала из специального мешка самые поджаристые сухари, подвигала их ко мне, а с наслаждением ел их, и до сих пор помню вкус этого неповторимого яства…

Гигантские очереди выстраивались в конце сороковых – начале пятидесятых за хлебом у булочной по тогдашней Сталинской улице, в те времена эту улицу еще не называли проспектом. Очередь занимали задолго до рассвета, некоторые даже ночевали у дверей магазина… Бабушка брала меня с собой в эту бесконечную очередь, потому, что на руки отпускали определенное количество хлеба – кажется, буханку белого и буханку черного, а двоим соответственно в два раза больше… Также потом торговали сахаром – со двора известного всем в Уральске дома Карева, и мы, мальчишки, были нарасхват в этих очередях: женщины наперебой приглашали нас в очередь, выдавая у прилавка то за внуков, то за сыновей, и каждый раз награждая нас горсточкой сыроватого желтого сахара или ломтем свежего хлеба… Об этом я уже рассказывал в своих воспоминаниях, а сейчас вкратце повторяю это для того, чтобы сказать, что в этих очередях много было типографских женщин, и не было, кажется, случая, чтобы они не угостили меня – просто так, от щедрого сердца, оттого, что я вырастал у них на глазах – был сыном типографии…

Другим с типографским сыном был Куаныш Давлеткалиев, Колька - мой закадычный дружок. Семья Давлеткалиевых также жила в уголке, выкроенном из помещения типографии, и мы с Колькой, городские подсолнухи, тонкие, долговязые, любопытные были постоянно под взглядами взрослых… Если мы на заднем дворе затевали игры в «прятки», то невидимы были только себе самим, да своим друзьям, но не работницам переплетного цеха, которые следили за нами через огромное низкое окно… Большое полукруглое, его почему-то называли венецианским, одно из окон наборного цеха тоже выходило в это двор, и если мы намеревались забраться на огромный типографский чердак (что категорически нам запрещалось), то это не могло укрыться от взгляда строгих наборщиков… Если мы начинали исследовать огромные завалы спиленных стволов деревьев, привезенных на дрова и громоздившихся в большом дворе типографии с начала

лета и до осени, пока их не перепилят и не уложат в поленицы, то тогда в окно нам грозила сама директор – Клавдия Васильевна, а ее мы боялись пуще огня… Напию Давлеткалиеву и ее мужа Рахима Накеновича я считаю второй матерью и вторым отцом. Едва я начал себя сознавать, как обнаружил, что кроме родителей, родственников есть еще люди, готовые обогреть, накормить, помочь, выслушать внимательно мои тогдашние горести… Такими были и родители Кольки… Оба они воспитанники детского дома, фронтовики, полиграфисты. До войны Рахим работал на верстке газеты, Напия – в переплетном цехе. Когда грянула война, то почти всех типографских призвали в армию… В том числе и мою маму, Екатерину Колузанову, Клавидию Васильевну, Давлеткалиевых…В итоге мою мать с маленьким ребенком на руках - моей сестрой Милочкой, еще кое-кого оставили в Уральске, а многие ушли на фронт… В том числе и Давлеткалиевы…

Я забегал к Давлеткалиевым, когда был голоден, а до собственного дома идти не хотелось, вдруг спросят про уроки? Я приходил туда, когда хотелось чудесного курта, который, кажется, не переводился у них, когда от беготни пересыхало во рту, и спасти мог только прохладный айран, который готовила тетя Нина – Напия… Если Кольке покупали мороженое, то это значило, что покупали и мне, если я бежал с бидончиком за клюквенным морсом – незабвенным напитком моего детства -, то это значило, что его вместе со мной будет пить Колька… Мне тогда казалось, что мы с Колькой были неразличимы, так одинаково к нам относились и его, и мои близкие…

Мы, мальчишки, не знали тогда что обозначает слово «национальность» и как оно разделяет людей, мы все были типографскими… Впрочем, Уральск тогда разделялся и на негласные районы влияния мальчишеских группировок, нет, не банд, а неких сообществ, объединенных местом проживания… Можно было всю жизнь прожить, и не узнать, что ты относишься к Чаганским…А были еще Куренские, Кзыл-Танские, Баскачкинские, Мясокомбинатские, Вокзальные… Так вот, мы были Кзыл-Танскими, потому, что в квартале от нас находился кинотеатр Кзыл-Тан… Еще ближе был кинотеатр КРАМ – кинотеатр рабочей молодежи (можно было подумать, что неработающую молодежь у кино не пускали). В фойе КРАМа, кроме портрета Сталина с матерью, висели еще картины, с изображениями каких-то городов с белокаменными домами; мне тогда казалось, что все изображенное существует и на самом деле – именно такое величавое и прекрасное, но только далеко, наверное, в Москве, и существует оно не для меня,

не для моих родных, не для тети Маруси Бочаровой из электрического подвала, - мы еще недостойны такого, - а для других людей, - москвичей, ленинградцев… Москва казалась недосягаемой звездой, там были дома со шпилями, мраморные станции метро, милиционеры в белых перчатках, туда стремилась Дуня из «Волги-Волги» со своей песней, там футболисты не могли справиться с непробиваемым вратарем Кандидовым, там жил и оттуда согревал нас своей улыбкой великий вождь. В кинохронике все время показывали перекресток Тверской и Охотного ряда (Горького и Маркса), и по этим улицам мчались сверкающие открытые машины – «ЗиМы», «Победы», «Москвичи», и в их стеклах отражались то гостиница «Москва», то колонны Большого театра, то – сколько провинциальных сердец замирало – витрины ЦУМа, а потом и «Детского мира», - и было все это недосягаемо. Оказаться там для большинства из нас было невозможно, как шагнуть из зала кинотеатра на экран. Наверное, трудности нашей жизни, ее будничность, монотонность никак не хотели, не могли соотноситься с тем, что показывало кино, писали газеты, и мы верили, что счастливая жизнь в нашей стране, конечно же, есть, не может не быть, но она далеко… И когда я впервые, в начале шестидесятых, попал на Казанский вокзал, я никак не мог поверить, что это грязное, заплеванное, набитое побирушками и пьяницами пространство – часть «золотой» нашей столицы. Не успел я вылезти из вагона, как ко мне пристал какой-то немой, предлагая за три рубля купить у него карты с голыми красавицами, а через два шага пристала цыганка с грязными детьми на руках, а чуть спустя в каком-то из киосков, облепивших вокзал, на меня за что-то наорала продавщица, совсем как в Уральске, и, может быть, тогда впервые я начал понимать, что все мы в этой стране, ну или почти все, представляли ее себе, понимали ее совсем другою, нежели она есть… Нет, мы не лгали себе, и даже не ошибались, беззаветно любя ее, мы просто не знали, какая она… Да и до сих пор не знаем…

Как случилось, что такое количество семей жило при типографии? Мария Акатьева, в девичестве Милова, рассказала, что до двухгодичной командировки отца в Чапаево и Карши, у них была квартира на улице Пролетарской. Но после возвращения им пришлось жить на съемной квартире. С жильем было в те годы очень трудно, впрочем, когда было легко? Но в те годы особенно тяжело. И семье выделили каморку при типографии. К тому времени, там еще никто из работников не жил, Миловы стали первыми…Следующая, кто поселилась здесь, стала

Клавдия Васильевна, которая тоже до этого хлебнула счастья жизни в чужом углу…

Так постепенно все углы типографии были заселены. Некотороые жили даже в самих цехах. В резальном цехе в те времена работал Петр Дорофеевич Жиберин. О нем мне известно, что он родился в 1914 году, воспитывался в детском доме – круглый сирота. Был невысокого роста, коренастым, обладал огромной физической силой. Он легко управлялся с рулоном бумаги весом в триста и более килограммов… Был он бородат, что по тем временам выглядело несколько странно. Хотя многие коммунистические идолы, и самый главный – Маркс – были или бородаты, или усаты, борода на лице простого человека казалась вызовом обществу – то ли рядится под уральского казака, то ли под церковного служителя, а ведь и те, и другие не были обласканы режимом; да и вообще мерещилось в бородачах нечто вольнолюбивое, индивидуальное. Не зря в песне поется: «… сегодня парень в бороде, а завтра где? – в ЭнКаВэДэ…»

Петр Жиберин жил в те годы в своем резальном цеху…Там спал, там готовил нехитрую еду, что-то варил, кипятил чай… Иногда приходил к Миловым, спрашивал: «Печка топится?» - готовил свой обед у них на плите, чаще всего жарил картошку… Пришел он в типографию в середине тридцатых годов, я очень смутно помню его – в самом конце сороковых или начале пятидесятых… Он обитал в типографии очень долго – многие годы -, и чем-то мне напоминал знаменитого героя Гюго, жившего в гигантском соборе… Потом Жиберину выделили небольшую каморку… Очень любил песню «…не быть мне мужем и отцом…» Писал и стихи… У Марии Николаевны Акатьевой сохранились в альбоме строки, написанные его рукой…Вскоре он женился на бухгалтере Ненашевой, – у них родилось два сына… О нем вспоминают сегодня так: «Работяга был – каких мало было даже тогда, а сейчас, наверное, и нет совсем. За все брался, и все мог…Любой сорт бумаги определял «на ощупь и на взгляд»… Тогда такая судьба никого не удивляла, все жили трудно, бедно… Но сострадая друг другу…

Люди были тогда просто удивительные – всегда готовые к самопожертвованию, к любым лишениям во имя общего дела. Сегодня это кажется и наивным, и порою даже смешным… Был одно время в типографии директором некто Федоров, к сожалению, мне не удалось установить его имени. Так вот, он запомнился такой историей, очень показательной. Как известно, газета печатается при помощи

специальной краски – типографской. Делается печатная форма, на нее специальными эластичными валиками наносится краска, потом к форме прижимается бумага – происходит печать. Так вот, валики эти от частого соприкосновения со шрифтом быстро изнашевались, приходили в негодность. Их приходилось менять. Изготавливали эти валики прямо в типографии. Были специальные формы, так называемая вальцмасса; вальцмассу растапливали в котле, потом заливали в формы…Нехитрая операция, в 1963 году одно время этой работой занимался и я… Но когда не хватало нового сырья для этих валиков, в котел добавляли старую вальцмассу, срезая ее с валиков печатных машин… Ну и, конечно, старая масса не давала такого качества… Например, в ней не хватало клейкости, что очень важно. И вот директор Федоров придумал, как повышать качество – добавляя сахар… Все бы ничего, да где брать в те годы сахар? Счет этого продукта вели на граммы, а во время войны его вкус вообще забыли. Федоров решил вопрос просто: он взял весь имеющийся небольшой запас сахара из дома и принес его в типографию, улучшил качество валиков…

Его жена, не сразу обнаружившая пропажу, долго не могла успокоиться…

Так относились к своему предприятию большинство типографских…

И так было на многих предприятиях Уральска… И, конечно, не только Уральска.

Повторяю – я пишу не историю типографии, а рассказываю о дорогих мне людях, давно минувшем времени… Не тщусь воскресить былое, а надеюсь, что оно хотя бы не будет забыто.

Уральск – славный город, многострадальный. Много всякого видели его улицы… И, быть может, в награду за его непростую судьбу, за долготерпение ему посланы были такие замечательные люди?..

Надо мной иногда коллеги подсмеиваются, когда я начинаю им рассказывать о своем любимом городе, дескать знаем-знаем – центр мира – Уральск, все в нем есть, и все с него началось… Это шутка, конечно… Но все в мире лично для меня началось именно в Уральске… Здесь я не только родился, здесь я – пусть не прозвучит чересчур громко – познавал мир. Видел, как страшно дерутся мальчишеские банды, как помирившись делятся последним окурком, куском черствого сухаря… С бабушкой на бахчах, раскинувших свои тыквенные плети на берегах Чагана, собирал огурцы, помидоры, зеленый лук, паслен, который до сих пор в Уральске называют «вороняшкой». Пирожки с пасленом были тогдашним лакомством. Нарезанные и перемешанные, заправленные подсолнечным маслом

огурцы, помидоры и лук летом часто были основным блюдом за обедом, причем бабушка время от времени повторяла обедающим:
- Огурцы, огурцы больше доставайте, не одни помидоры…
Не из жадности, а из воспитанной многими годами голода бедняцкой рассудочности: всем еды должно достаться поровну, ну, может, только сладкий кусочек детям, да пожирнее – мужикам…
Я видел, как в Куренях сидели по вечерам на лавочках около своих домов седобородые мужики в фуражках с малиновыми околышами, и в их глазах отражалось нечто, тогда непонятное мне… Может быть, они вспоминали пасхальные ночи у Михайло-Архангельского собора, в который большевики натащили теперь звериных чечел? А, может, думали: вот ведь, не взял Пугач собора, отсиделся в нем Крылов, а большевики разорили старинную церковь?..
Я помню, как приезжали в Уральск любители старины, икон, как рассказывали они, что по смешной цене скупали низовых станицах древние доски…
Нет, все-таки что-то колдовское, запредельное есть в этом городе…
Уральск! Не случайно сюда тянуло писателей, поэтов, - не буду называть всем известные фамилии… Да и своих талантов здесь немало, да и просто умных, хороших людей здесь много…
Уральск – целый мир, не похожий на другие… Он щедр на любовь, но и в ответ требует всю душу – без остатка… И мы соглашаемся на это…
Наверное, не обойтись мне все-таки без хотя бы небольшого рассказа об Уральске начала – середины пятидесятых годов. Сразу оговорюсь, это субъективная картинка. Я мог бы, конечно, покопавшись в архивах привести цифру, обозначающую прирост жилого фонда, показатели производительности труда на предприятиях города в процентном отношении, даже все увеличивающееся число рожениц в местном родильном доме, но в этот раз ограничусь только тем, что подсказывает мне память – через прошедшие уже полстолетия.
…Тук-тук-тук, - несется над крышами невысоких домов города, -тук-тук…, - это обнаженные по пояс, загорелые до черноты дорожники, укладывают – камень к камню – мостовую напротив типографии, на главной улице – тогда она именовалась Советской, потом Сталинской…проспектом Ленина, и так далее… А вообще, сегодня это каждый знает, вековечное название этой улицы – Большая Михайловская…

Работа по укладке мостовой – кропотливая, нелегкая… И не такая скорая, как нынешняя укладка асфальта. Камень к камню, камень… Рабочие устанавливали небольшие навесы над собой, чтобы окончательно не сгореть под солнцем, которое в те годы было, как будто, и ярче, и знойнее… Мальчишки едва ли не со всего города прибегали посмотреть на эту работу. Да и взрослые нередко останавливались: это надо же, сколько труда! Вот, наверное, получают!..

По построенным участкам мостовой уже катились немногочисленные автомобили – полуторки, ГАЗ-51 с брезентовым верхом на деревянных кабинах, редкие еще в провинции «Победы», страшно тарахтели по камню мостовой телеги с железными ободьями на деревянных колесах… Поворотных сигналов на машинах еще не было, и шофера обозначали поворот рукой, высунутой из кабины: поворот направо – рука вверх, поворот налево – рука в сторону… По особому громыханию телег, как по почерку, некоторые определяли: наш тащится, кажется, пустой… Гужевым транспортом перевозились еще многие грузы… Даже в медицинском училище, которое располагалось напротив типографии, была конюшня… Поэтому подводы, разнообразные конные повозки двигались по улицам наравне с автомобилями…

Летом многие улицы Уральска, еще лишенные мостовой, напоминали барханную пустыню – так много пыли было на них! Почти невесомая, она поднималась под колесами машин и долго стояла над улицами… Если же поднимался ветер, то пыль забивала все вокруг, закрывала город, как темным плащом, - пыль скрипела на зубах, зеленая листва становилась за одну минуту серой, хозяйки пытались спасти развешенное белье…

Весной Уральск был царством непролазной грязи, летом – центром пыльной вселенной…

И одновременно город умудрялся быть зеленым, тенистым, с журчащими прохладной водой из Урала арыками…

Весной его как будто оккупировала сирень, ее было очень много, сиреневые кусты росли в скверах, садах, за каждым забором частного дома, ее аромат стоял в мае над всем городом, казалось, вся жизнь становилась сиреневой, даже бабушкины пирожки с картошкой пахли сиренью…

На смену сирени начинала цвести акация. Уральск покрывался ярко-желтым туманом акации. Мальчишки эти цветочки поедали, утверждали, что в них – чистый мед. Я не верил этому, но тоже поедал вместе со всеми довольно

безвкусные цветочки.
Летом от пыли и жары город спасали арыки. Устроенные еще в двадцатые годы, они летом наполнялись водой из бассейна, который и поныне существует, и маленький кусочек прохладного Урала приходил почти к каждому дому… Иногда каким-то образом в арыки попадала мелькая рыбешка – и тогда ребятня устраивала ловлю этих мальков пополам с купанием… Эти арыки работали бесперебойно, их время от времени прочищали – и вновь по ним бежала вода. Ею поливали огороды, которые были едва ли не в каждом дворе, сирень, акации, заливали горячие кирпичные тротуары, чтобы вечером наслаждаться прохладой за неспешной беседой, влага эта позволила Уральску, который некогда поражал приезжих своей грязной провинциальностью, отсутствием зелени, стать едва ли не городом-садом… В описываемое мною время, например, деревья, посаженные вдоль обочин улицы Фурманова, кронами смыкались и получилась сплошная зеленая арка – от самого моста через Урал – до городского рынка, Туркестанской площади…
Начало такому зеленому благоустройству Уральска положил Аркадий Столыпин, герой Севастополя, генерал-адъютант, друг Льва Толстого, отец будущего Премьера России – Петра Аркадьевича. Аркадий Дмитриевич был незаурядным человеком, несправедливо закрытым от нас тенью его великого сына.
Аркадий Дмитриевич родился в 1822 году. Едва ему исполнилось 16 лет, как он добровольно поступил в конную артиллерию. В 19 лет он производится в прапорщики - первый офицерский чин. Вскоре за «отлично-ревностную службу» награждается первым военным орденом Святой Анны 3-й степени. Тогда ему было 23 года. В Крымскую войну капитан Столыпин, командуя артиллерийскими батареями, находился постоянно на переднем крае сражений, как на Дунае, так и во время легендарной обороны Севастополя. За храбрость, мужество и самоотверженность при отражении первого штурма Севастополя в ночь с 10 на 11 марта 1855 года капитан Столыпин награжден золотой саблей с надписью "За храбрость".
В сентябре 1857 года полковник Столыпин становится наказным атаманом Уральского казачьего войска. В январе 1859 года за отличие по службе награждается чином генерал-майора с зачислением в свиту его величества. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов Столыпин командовал осадными батареями под крепостью Никополь… В мае 1883 года генерал-лейтенант

Столыпин за отличие по службе производится в генералы от артиллерии с оставлением в настоящей должности в звании генерал-адъютанта и по полевой конной артиллерии. Этот наивысший армейский чин был получен по случаю коронования императора Александра III. О деятельности этого человека можно еще много рассказать, но это не входит в задачу нынешнего моего повествования. При нем в 1858 году появился городской театр, открыты библиотека, даже музыкальная школа… и – внимание – в 1862 году была основана войсковая типография… Вот почему я отвел ему в моем повествовании столько места. Такой человек и стал инициатором обустройства Уральска. В центре города, где некогда была огромная зловонная лужа – настоящее, не высыхающее даже в летнюю жару болото, он предложил заложить бульвар, посадить деревья, засыпать болото… Так родился бульвар, который до самой революции носил название Столыпинского… В пятидесятые годы бульвар уже начали стыдливо называть «некрасовским садиком», но иногда все-таки прорывался в разговорах и «столыпинский бульвар». Нынче он почти уничтожен, правда, немного подновлена старинная ротонда…

В пятидесятые годы, когда немного стихло безумие разрушения старинных церквей, и не нахлынула современная волна терминаторов, в Уральске еще повсюду проглядывала старина. Идешь по улице, поднимешь взгляд, а на стене проступают огромные буквы - «Номера», торопишься утром к проходной, приглядишься, а ведь это церковь Иоанна-Предтечи приспособили для каких-то заводских нужд, в городском парке увидишь дуб в два охвата, а под ним некогда Шаляпин пел…

Сегодня все меньше этих примет… Не каждому они бросаются в глаза. А, может, это и хорошо, целее останутся?..

Об Уральске я могу говорить бесконечно, это моя боль, моя любовь… Но сегодня речь чуть о другом…

Был в Уральской типографии некий магнетизм, непонятная притягательная сила. Большая часть работников, однажды пришедшая сюда, работали здесь всю жизнь. Некоторые, как Екатерина Павловна Колузанова, покинули свои рабочие места буквально за несколько месяцев до своей смерти… Моя мать пришла в типографию еще до совершеннолетия, до того, как получила паспорт, а ушла оттуда бабушкой… Схожая трудовая судьба у Веры Александровны Бочкаревой, Полины Павловны Истоминой, Галины Гусевой, Александры Синделеевой… Они

девчонками открыли дверь в типографию, как в собственную жизнь, и покинули типографию пенсионерками…

Два слова о династии Синделеевых. Сама Александра Филатовна была самой лучшей линотиписткой за историю типографии. Ее называли "десятипалечница", так как она могла вести набор на клавиатуре машины всеми пальцами обеих рук. Рассказывают, что она могла набирать вслепую, с закрытыми глазами. Она было грамотным, умным работником.

В разное время в типографии работали еще две Синделеевых. Вера Синделеева, сестра Александры, работала в цинкографии, их мать Наталья Синделеева работала вахтером, а некоторое время даже "варила" металл - так называли тогда в типографии приготовление специального сплава для отливки металлических строк и линеек для набора и верстки газетных полос и другой полиграфической продукции.

Здесь еще раз скажу, что далеко не все работники типографии будут хотя бы упомянуты мной. Память моя, как и у каждого человека, избирательна, она не сверялась со списками отдела кадров. Но вот сейчас вспоминаю супругов Храмцовых. Александр Петрович родился в 1918 году, был хорошим метрампажем, замечательным человеком – добродушным, улыбчивым. Он - участник войны, но я никогда не слышал, чтобы он хоть что-то рассказывал из своей военной биографии. Жена его – Мария Ивановна была на десять лет его младше, Работала на всех типах печатных машин, но больше всего ей доверяли самую большую в цеху, старинную машину. Она выполняла самые ответственные заказы, в типографии знали – все будет сделано с высоким качеством и точно в срок.

Еще я вспоминаю работников типографии, пришедших сюда чуть позже – в конце пятидесятых, шестидесятые годы – Антонина Мартыновская, приехавшая из Украины, ставшая вскоре начальником печатного и переплетного произвдств. Она некоторое время жила на квартире у Миловых-Дорониных, она много мне рассказывала мне о своей родине. Вскоре она вышла замуж и стала носить фамилию Бабоченко. Примерно же в это время пришла в типографию и Раиса Трекова, замечательный человек, отличный работник. Она сменила Бабоченко на посту начальника печатного цеха. Мне пришлось некоторое время работать под началом Раисы. Скажу только, что работалось с ней лекгко.

В середине или конце пятидесятых годов в Уральск приехал интересный человек –

Аркадий Макарович Александров. Он стал в типографии первым специалистом с высшим полиграфическим образованием. До этого было здесь немало блестящих специалистов, настоящих мастеров своего дела, но это были самоучки… Он был назначен главным инженером, а после ухода Клавдии Васильевны стал директором. Он закончил полиграфический институт. Свою порцию лиха он хлебнул еще на родине, пережив там немецкую оккупацию.

А теперь все-таки два слова о ротационере Михаиле Кане. Это был добрейшей души человек, улыбчивый, хороший специалист… В начале шестидесятых, сразу после окончания школы, мне пришлось работать с ним на ротации, и сколько раз он закрывал глаза на мои ребячество. Однажды я умудрился вылить себе на голову почти полное ведро типографской краски – черной, практически несмываемой. Меня много часов отмывали в керосине, оттирали полотенцами, смоченными в бензине… А произошло это так. Понадобилось добавить краски в красочный – так назывался – аппарат ротации. Для этого было специальное ведро, которое нужно было наполнить из огромной бочки. Я подставил ведро, немного наклонил тяжеленную бочку, и из нее стала наливаться в ведро черная, густая, маслянистая жидкость. Но как так случилось – не пойму до сих пор, - но бочку я не удержал, она рухнула на ведро, которое, как в акробатическом этюде, взлетело вверх, перевернулось и точно наделось мне на голову, как рыцарский шлем…Сейчас это вызывает улыбку, а тогда мне пришлось состригать мою буйную шевелюру, да и девушки долго шарахались от меня – никакой одеколон не перебивал запаха керосина и бензина.

Попутно хочу рассказать еще один, по нынешним временам, довольно курьезный случай. Но в те годы он никого не рассмешил. Как-то в стране опять вспыхнуло военное поветрие, все должны были учиться стрелять, надевать противогазы, тушить зажигательные авиабомбы. Я помню, в одном из типографских складов, устроенных в огромных старинных лабазах, хранились какие-то учебные, разборные бомбы – со стабилизаторами, какой-то желтоватой начинкой. Стоило только тете Нине Давлеткалиевой, а она тогда заведовала складами, открыть тяжелые железные двери, как мы бросались к складу посмотреть на бомбы. А у нас в доме, под бабушкиной кроватью, стали хранить малокалиберную винтовку и огромное количество пачек с патронами, стопки мишеней. Патроны были завернуты в газету, наверное, они так прятались от меня. Я доставал, сколько мне требовалось патронов из этого «секретного» хранилища, вытаскивал пули,

высыпал порох. Порох мы с мальчишками весело поджигали, а гильзы с капсюлями били молотками, положа на камень, ликуя после каждого «выстрела». Подобные забавы никого особенно не удивляли, настоящие выстрелы тогда гремели в самом центре города. Открытый тир - просто старый котлован – располагался между проспектом Ленина и Почиталинской улицей – практически напротив кинотеатра «Кзыл-Тан» - метрах в тридцати от него. Вечером, после того, как отгремят выстрелы, мы, мальчишки, бегали в этот котлован и набивали карманы гильзами, а если повезет, находили и патроны.

Взрослые стрелки типографии проводили свои тренировки прямо во дворе предприятия. По вечерам укрепляли мишени на огромной деревянной двери одного из складов, отмеряли дистанцию, и палили от души, патронов не жалели. Женщины, конечно, возмущались, говорили: «Ведь полон двор детей, как можно!». Но милитаризованные мужчины ничего слышать не хотели. И поплатились. Открыли как-то огромные двухстворчатые двери склада и схватились за голову! В складе, оказывается, хранилась канцелярская мебель, и она оказалась прошитой пулями винтовки.

- Работа полиграфистов того времени была очень тяжела, а зарплата была невысока – что заставляло не искать их другую работу? – спросил я у ветеранов типографии.

- Тогда было совсем другое поколение, - не очень понятно отвечали они мне. – Трудились не только из-за денег, работали для страны - пусть это прозвучит сегодня выспренне. Люди были обязательны, ответственны… Сегодня можно услышать, что таких как они, называют рабами сталинского режима, но они, и вправду поставленные в нелегкие, а подчас и невыносимые условия, были не рабами…а мастерами… И дело, доверенное им, считали своим…

Иногда, их вызывали назад, на работу, едва они переступали порог своего жилища… И никто не возмущался, не митинговал, не стучал в кастрюли – их звала работа, дело, которому они были верны…

…Сорок лет не отмывались у моей матери руки от типографской краски, свинца… Как и у многих наборщиков, метрампажей… Иногда часами она отпаривала их, оттирала щетками, увлажняла кремами, - и они как будто приходили в порядок. Мать отправлялась в кино или театр, в концерт, - и, вдруг, ловила на себе удивленные взгляды… Черная краска как будто выступала через поры, пробивалась через все шампуни, лосьоны… У многих типографских

выработалась привычка во время разговора держать руки за спиной…Да простят меня дамы, но особенно из-под ногтей краску типографскую было вытравить почти невозможно… Даже за время отпуска где-нибудь в доме отдыха это не всегда удавалось…

Конечно, самое сложное время типография пережила в годы войны.

О начале войны типографские узнали примерно в полдень…Все, кто жили во дворе собрались за тем самым обеденным столом во дворе, зашипела черная бумажная тарелка радио, и сюда, как и в тысячи других дворов, ворвалась война… Выступал Молотов, все напряженно слушали, кто-то вытирал слезу, и, наверное, многие уже понимали – такой беды у нашего многострадального народа еще не было… День был светлый, теплый, вовсю цвела акация, а в души людей прокрался холодок…Нет, паники не было, да и не испугались люди – наш народ, привычный ко всему, не испугаешь, но понимание всеобщего огромного несчастья было…

Самовар, разожженный ребятами – Машей и Володей Миловыми пыхтел на столе, но все, вдруг, забыли о нем…

Так случилось, что война приобщила типографских к искусству оперетты. В провинциальном Уральске, конечно, не было своего музыкального театра, гастрольные маршруты столичных театров не пролегали через наш город, телевидения не было, поэтому об оперетте представление имели весьма приблизительное. И вот на какое-то время в Уральск прибыла Карело-Финская оперетта. Была такая республика в составе СССР, не все сейчас помнят об этом. Уже осенью 1941 года она была оккупирована финнами.

Но как попасть на спектакли музыкального театра?.. Выход был один. Лучшие наборщицы сверхурочно (куда уж сверхурочнее?) набирали для театра афиша, а за это типография получала контрамарки на спектакли. Причем, сидели типографские на лучших местах. «Веселая вдова», «Сильва», «Марица», «Сорочинская ярмарка», «Вольный ветер» - почти сказочная жизнь, полная счастья, любви, музыки разворачивалась перед двадцатилетними девушками, которым после театра нужно было возвращаться в холодные цеха, вставать к машинам, наборным кассам…

запомнили двух солистов, блиставших на сцене музыкального театра. Это были

знаменитые Феона и Рубан.

Не могу хоть вкратце не рассказать об этих ярких артистах, побывавших в Уральске. Кстати, Карельский театр пробыл в городе довольно долго, по некоторым сведениям больше двух месяцев. На сцену выходили тогдашние опереточные знаменитости, но никогда прежде мне не приходилось читать об этом – ни в местных газетах, ни в опубликованных воспоминаниях. А между тем, театр, конечно же, добавил уральцам бодрости духа: если на сцене идут комедии, то не все так плохо у нас, все еще наладится!..

Алексей Феона - артист амплуа романтического героя, он от природы был наделен красивым голосом и броской внешностью. Он родился в Петрограде в 1919 году. В середине двадцатых годов он некоторое время вместе с родными, жил в Париже, блестяще овладел французским языком. По возвращении из Франции Алешу отдали учиться в Ленинградскую государственную капеллу по классу фортепиано. В десять лет начал выступать солистом в детском хоре капеллы, а позднее поступил в Ленинградскую консерваторию. Еще в самые юные годы Алеши отец разгадал в нем не просто певца, а будущего артиста театра оперетты. Именно Феона-старший, известный в России режиссер оперы и оперетты, руководитель Ленинградского театра музыкальной комедии, посоветовал сыну выбрать именно оперетту.
Начало творческого пути Алексея совпало с началом Великой Отечественной войны. В это время его отец стал главным режиссером в Музыкальном театре Карело-Финской республики, и предложил сыну поехать с ним, чтобы начать работу артистом оперетты. Дебют Алексея Феона-младшего состоялся во время гастролей театра в Туле. Всего за два года Алексей из начинающего артиста превратился в ведущего солиста Карельской оперетты. Иначе говоря, зрители в Уральске были свидетелями творческого роста молодого тенора.
На протяжении многих последующих десяти лет Алексей Феона работал в Московской оперетте. Его партнершами были блистательные актрисы — Анна Котова, Татьяна Шмыга, Тамара Володина, Зоя Иванова, Ирина Муштакова и Капитолина Кузьмина... Он расстался с театром в пятьдесят три года, но прожил после этого всего пять лет.

Николай Рубан родился в 1913 году. Татьяна Ивановна Шмыга вспоминала о нем:

«Николай Осипович пользовался в те годы большой популярностью. На спектакль с его участием ходили специально. Красивый, с обаятельной улыбкой, с прекрасным голосом, Рубан был рождён для сцены. В классических опереттах он был просто неотразимым «фрачным героем»: его Айзенштейна из «Летучей мыши» или графа Данилу из «Весёлой вдовы» забыть невозможно…
И в жизни Николай Рубан был человеком привлекательным. Весёлый, жизнерадостный, доброжелательный, всегда с улыбкой, большой выдумщик, обожал разного рода розыгрыши. Излишне говорить, что в труппе его любили. Но вот так вышло, что этот замечательный актёр, премьер вдруг ушёл из театра. Ушёл в зените своей популярности…»

Вот такие актеры выступали в Уральске в годы войны.
Шли в театр тогда, конечно, не в вечерних туалетах. Надевали то, что было. Женщины в платьях из штапеля. Как-то Екатерина Колузанова и моя мать, собрав едва ли не всю наличность, купили на базаре черные тапочки, они были из крашеного картона. Их молодые женщины надевали только в театр, и обувки этой хватило ровно на три спектакля, потом тапочки развалились.

- Да, шла война, гибли наши солдаты, мы все переживали за страну, - говорили мои собеседницы. - Но иногда выпадала минута, и мы ходили даже в театр, даже смеялись…А что, мы тогда были молодыми…
И вот еще что. Все спектакли в Уральске во время войны шли с аншлагами. О таком успехе сейчас можно только мечтать.
Подобное было и с походами в кино – во время войны и сразу после нее. У Клавдии Васильевны была подруга – Екатерина Сорокина – директор кинотеатра КРАМ. Они заранее договаривались о билетах на новый фильм, потому, что просто купить билеты в кассе было практически невозможно.
Сорокина говорила:
- Клава, больше двадцати билетов не могу дать, пойми, все хотят!..
Сходились на компромиссном решении: в первый день пойдут двадцать человек, во второй еще столько же, а остальные – в другие дни… Все хотели пойти первыми, обычно новые фильмы начинали демонстрироваться с понедельника. Счастливчики начинали собираться на сеанс задолго до назначенного времени. Разжигались утюги – электрических приборов тогда не было, нагревались на керосинках щипцы для завивки, доставались из сундуков тяжелые «бостоновые»

костюмы мужчин, конечно, у кого мужчины были… Они были далеко не у всех…У многих от мужей, любимых остались только фотографии на стене, раскрашенные анилиновыми красками…

Типографские вспоминают, что по одному билету они ходили в кино часто по два, а то и три раза. Сплошь и рядом показ ленты прерывался выключением света. Ждали полчаса, ждали час, ждали два часа, а потом сеанс переносился на завтра – на это же время. Приходили, кто мог, назвтра…Но все повторялось… Это сейчас бы зрители плюнули, и не пришли бы больше в такой кинотеатр, а тогда приходили и на третий день… Кино, наверное, было обезболивающим средством, местной анестезией, оно позволяло на два часа погрузиться в мир не такой серьезный и трагический, как тот, что окружал нас всех.

Как мы, ребятишки, завидовали тем, кто отправлялся в кино!.. Сразу после войны поражали воображение провинциальной публики Тарзан и Чита, чуть позже по киноэкранам танцующей походкой прошел Радж Капур в «Бродяге», «Госпродине-420». После Тарзана на улицах Уральска прохожих пугали дикие крики – это мальчишки имитировали боевой клич отважного героя из джунглей. После «Бродяги» отовсюду неслось: «Бродяга-а-а-а я-я-я, никто нигде не ждет меня, бродяга я…».

Уже и в пятидесятые годы очереди в кассы кинотеатров были сравнимы только с очередями за хлебом, сахарным песком и ситцем. Я помню, как приходилось выстаивать по несколько часов к окошечку билетной кассы, в итоге узнать, что остались только билеты по четыре рубля пятьдесят копеек, а у меня в кармане была трешница…

Больше всего мои сверстники, да и взрослые, любили ходить в кинотеатр «Кзыл-Тан», он был двухзальным – «зимний» зал и «летний». Причем все говорили: «Вчера был в Летнем», или – «В Зимний не попали…». И получалось как бы два кинотеатра – «Летний» и «Зимний». Двери кинотеатра выходили в сад, в котором был фонтан, буфет, и деревянная летняя эстрада. По вечерам эстраду занимал духовой оркестр, и на пятачке рядом с эстрадой начинали топтаться танцующие… Гулко ухали трубы в незабываемом вальсе «На сопках Манчжурии», практически весь тогдашний Уральск слышал, что в «Кзвл-Тане» «началось».

В укромных уголках сада на скамеечках, конечно же, размещались парочки, но некоторые скамейки были оккупированы шпаной. Шпановская мода была тогда такой – обязательные кепочки-восьмиклинки – кемили, широченные серые в

полоску брюки, заправленные в хромовые в гармошку сапоги – лапари. Обязательными в облике блатаря были золотые фиксы и наколки…
Со шпаной было интересно, если подойдешь к их скамейке, они щедро угощали папиросами, щелкали невиданными тогда никелированными зажигалками, рассказывали о своей геройской жизни, что-то невероятное о женщинах, иногда пели под гитару что-нибудь наподобие «Всю Сибирь прошел в лаптях обутый…» или «…легла под кленами в тень, спиною мяла сирень…». Время от времени кто-нибудь из блатарей предлагал: «Глотни, мурзилка, портвешку, честным фраером станешь!..» Кому из мальчишек, безотцовщины, не хотелось стать честным фраером, и мы глотали портвешок… А было нам по 8 – 10 – 12 лет…
Насколько я знаю, для большинства моих сверстников такое знакомство со шпаной осталось без последствий… Но не для всех, к сожалению… Некоторые мои сверстники ушли в лагеря, тюрьмы, их следы затерялись…
Но вернемся на танцплощадку… сегодня там много молодых женщин из типографии. Казалось бы самое горячее время – набор, верстка газеты, а они здесь? Оказывается, опять задерживается материал из Москвы. Телетайпы тогда были очень несовершенны, медлительны, и передача какой-нибудь статьи или важного доклада занимала не один час… Вот и пауза, которую девушки, наскоро вымыв руки, заполняли танцами… На входе в сад стояла билетерша – тетя Маша, и она всегда пропускала их, понимала…
Сигналом для возвращения на работу были гулкие удары, раздававшиеся из типографии. Это Петр Жиберин начинал «выколачивать формы». Тогда не было специального пресса для производства матриц, поэтому сверху на набранную газетную «форму» укладывали лист влажного специального матричного картона. А на него слой за слоем фланель, фетр – довольно солидный слой, и все это накрывали кожаным фартуком, прижимали. И была такая огромная щетка с ручкой, наподобие сапожной, но во много раз больше. И вот этой щеткой, как кувалдой, сильно, но точно и соблюдая определенные правила – чтобы картон не сполз, чтобы была захвачена вся поверхность – Жиберин бил по фартуку – в определенной последовательности, чтобы каждая набранная буквочка, каждая запятая, каждая линейка, фотография выдавились на картоне, и чтобы этот лист картона и превратился в матрицу с которой будет отлита металлическая форма для ротации…
- Да, было нелегко, - говорит Мария Николаевна Милова, - но все-таки люди не

падали духом… А в театр тогда мы ходили больше, чем теперь…
Иногда отправлялись типографские в городской парк. Был он значительно больше нынешнего, значительная часть которого была вырублена во время войны. Но, конечно, те вырубки не сравнить с недавними – в 90-х годах минувшего века, когда парк просто варварски уничтожался… А ведь некогда на его эстраде пел сам Федор Иванович Шаляпин.
Я спросил у матери:
- А не боялись ходить, ведь парк – на другом конце города, там нынче по ночам не очень спокойно…
- Никогда не боялись, – ответила она, - может, только собак? Ни о какой преступности во время войны мы и не слышали…Ночью освещения почти не было, но спокойно шли, смеялись, песни пели…Даже в голову не приходило, что нас кто-то может тронуть…
…В клубе типографии, кроме вечеров, часто устраивались детские утренники, новогодние елки. Организаторами, заводилами этих утренников были Александра Милова, Синькина (не удалось установить ее имя), Александра Шапошникова…
А заводилами взрослых «семейных» вечеров были супруги Дробышевы – Александра и Назарий… Александра Ивановна работала наборщицей, а супруг ее был работником педагогического института имени Пушкина… Они оба были участниками войны. Дружеская, веселая энергия как будто переполняла их… Я помню их всегда улыбчивыми, доброжелательными… Они были желанны в любой компании… Бывают такие люди, которые приносят с собой какой-то особый свет, радость… Такими были Дробышевы…
Конечно же, семейные вечера не могли состояться без сбора средств на них. Но это были совсем небольшие деньги, других-то ни у кого в типографии не водилось… Создавалась комиссия, члены которой закупали, доставали, не без труда, нехитрую снедь… Договаривались с руководством Уральского мясокомбината и оттуда привозили немного колбасы, говяжьи ножки для холодца, требуху, которую почему-то именовали брюховицей, – тогда это был немыслимый дефицит. Готовилось огромное количество винегрета – несколько эмалированных тазов – это и было тогда основным блюдом, деликатесом – можно назвать как угодно…
Назарий Дробышев играл на гармошке, пел, ему, конечно, все подпевали… Тогда нельзя было себе представить никакое застолье без песни… Пели самозабвенно,

с большим чувством – наверное, песня давала каким-то образом почувствовать, получить то, чего часто эти люди в жизни были лишены… Застолья не превращались тогда в банальные пьянки, хотя, конечно, без спиртного не обходилось, - что за праздник у нас без рюмки водки?.. А как тогда любили танцевать, а правильнее сказать – отплясывать! В лихой перепляс пускался и стар, и млад, но вскоре оставалась в центре круга только одна пара – самых выносливых, самых настырных – кто кого перепляшет?..

На эти замечательные вечера старались попасть и люди, не имевшие никакого отношения к типографии, так славились в округи эти гулянья… Многие, жившие в округе называли почему-то типографию «пятиграфией», часто приходили и просили, чтобы их пропустили в клуб, на сцене которого выступали и цыганские ансамбли, и иллюзионисты, и заезжие виртуозы игры на балалайках – кого только не было…

Во время войны прямо в печатном цеху не раз устраивались концерты. Запомнилась всем красивая, статная женщина, преподаватель музыкальной школы, она играла на аккордеоне, и не все сдерживали слезы, слушая музыку, она казалась отголоском прошлой, мирной жизни…

Интересно, часто приходят ли артисты на современные предприятия?..

Кстати, во время войны работники типографии были и истопниками, перед началом работы выгребали золу из печей, растапливали их, кололи, если требовалось, дрова, поддерживали огонь… А летом, осенью их направляли на заготовку дров – в лесу они пилили деревья, потом их собирали в плоты, эти плоты сплавлялись до Уральска… Однажды плоты прибыли поздней осенью, кажется в начале ноября… Вода была ледяная, и женщины были направлены на «разгрузку» этих плотов, а проще говоря – бревна нужно было вытаскивать на берег. Женщины – голодные, неважно одетые, работали стоя по грудь в обжигающей воде… Из мужчин был, вспоминают типографские, кажется один дядя Саша Жерехов – печатник.

Моя бабушка стала работать в типографии с 1942 года, когда муж – Николай Иванович - ушел на фронт. Так она стала фальцовщицей газеты… Некоторое время она работала и в переплетном цеху, а потом стала вахтером на проходной, проработала там до 1960 года, когда вышла на пенсию…Не стало ее в октябре 1968 года… Мое типографское детство проходило и у нее на руках, и у нее на глазах: с друзьями мы носились по двору, и в окно сторожки я всегда видел лицо

бабушки… Царство ей небесное!..
Здесь, наверное, уместно будет сказать о зарплате. Перед войной Николай Иванович в семье из четырех человек работал один, и тогда им на жизнь вполне хватало. Как сказала Мария Николаевна Акатьева, «жили мы небогато, но, конечно, не голодали…». Когда, например, Николай Иванович работал в Чапаево, то за работу на «вредном производстве», каким считалась тогда типография, он получал молоко, сметану, сливочное масло… Это кроме зарплаты…
…Я конечно интересовался откуда же он есть и пошел наш Доронинский корень. Происхождением самой фамилии, корнями рода интересовался не только я один. Лет десять назад приезжала в Уральск откуда-то не то из Сибири, не то с Дальнего Востока, к сожалению, я не запомнил этого, женщина – Доронина… Она утверждала, что все Доронины – родственники, в той или иной степени, конечно… Тогда мы с ней обменялись адресами, сговорились еще встретиться, помогать друг другу в этих изысканиях, но она, как мне сказали, умерла в поезде по дороге домой…
У нас в семье до сих пор считают, что наша ветвь Дорониных – из Оренбургской области, а если точнее – из нынешнего Первомайского района, из села Мансурово… Это для тех, кто интересуется родословными…
Лет десять назад жива еще тетя Нюра – родная сестра Николая Ивановича Милова… Смутно помню, что они жили на самом берегу Урала, мать моя в пятидесятые, да и в шестидесятые еще годы покупала у них дрова… Дом их стоял на самом яру и огромное количество детей тети Нюры, их, кажется, было одиннадцать, возились в воде под обрывом с ранней весны до поздней осени… А дрова – это стволы деревьев, которые смывает Урал своими быстрыми струями, и несет иногда за многие километры: тогда не ленись, садись в будару, бери багор – и вытаскивай дрова на берег, потом щедрое солнце просушит стволы, распиливай их, разбивай колуном, топором – и теплая зима обеспечена, да и на продажу останется…

В извещении, пришедшем с фронта, было коротко написано: «Николай Иванович Милов пропал без вести…». Извещение было вручено Александру Львовне Миловой…К сожалению, эта скорбная бумажка не сохранилась, вернее, пока не обнаружена в семейных архивах… Не найдена и запись об этом и в военкомате, хотя Мария Николаевна долгие годы сама работала там, видела эту запись в специальной книге…

Она рассказала, что эти книги хранились в специальных шкафах, но вот нагрянула какая-то комиссия и потребовала, чтобы они хранились в архиве. Перенесли их в архив, и на другой день там прорвалась труба с горячей водой, и кипяток залил книги. И так случилось, что Николай Милов пропал без вести дважды – на поле битвы, и в списках… У обелиска в Уральске, где высечены имена погибших в войну, нет его имени…Не было до самого последнего времени, сейчас справедливость, если можно это назвать справедливостью, восстановлена…

Мой отец – Зайнуш Гумарович, родился в 1920 году, выучился на наборщика, был метрампажем казахской газеты, выходившей в те годы в Уральске. Воевал, был ранен, лечился в Чите в госпитале… С фронта пришел, стал начальником наборного цеха, мама тогда была беременна мною… Она ушла от отца еще до моего рождения…

В каком году в Уральск поступила первая ротационная печатная машина? Думаю, что году в 1954 – 56… Помню, что пришлось разбирать часть стены здания – со стороны улицы Коммунистической, и затаскивать через проем громоздкие части машины… До этого газету печатали на плоскопечтаных машинах, на которых листы бумаги подавались вручную… Ротация позволила ускорить печать во много раз, улучшить качество…

А строкоотливные машины – линотипы – сложные, капризные, часто выходящие

из строя появились еще до войны… Во всяком случае, когда Агриппина Доронина пришла в типографию, работали уже два линотипа…Кажется, что тогда была такая проблема – не было линотипов с казахским шрифтом, но вскоре они появились…

О тете Марусе Бочаровой… Всю свою жизнь она провела в электрической пещере… Муж пропал почти таинственно, никто об этом не говорил, и она с двумя детьми на руках осталась одна в этом мрачном подвале…
Ее сын Юрий – я хорошо помню его взрослым парнем, а потом бородатым огромным дядькой – родился в 1937 году в Лбищенске…Он всю жизнь, кажется, имел склонность к скитаниям – уезжал работать в Кзыл-Орду, ходил на пароходе по Уралу, был женат, я помню его сына, а потом следы Юрия затерялись…

А сверху над помещением Бочаровых жила семья Петра Ивановича Мокшина, мастера по налаживанию, ремонту линотипов… Он прожил недолго… Потом это помещение стало слесарной мастерской типографии…

Моя родная тетка по отцу Малика Гумаровна Туктамышева была прекрасным снайпером, погибла в 1944 году…Она была тяжело ранена и умерла от ран в госпитале. Ей было тогда всего 20 лет…Ее не стало за год до моего рождения. Извещение о ее гибели получала ее сестра – Галина Гумаровна, которая – так случилось – работала в военкомате…

Печатник Иван Жерехов – родился в 1930 году, работал в типографии недолго…

Во время войны, да и после нее, распространялось большое количество государственных займов. Конечно же, они все считались добровольными, но попробуй не подпишись на них!.. Да никто и не пробовал – деньги собирались во имя победы, потом на восстановление народного хозяйства.
Собирались по этому поводу собрания.
- Товарищи, нужно подписаться на этот заем, нужно помочь стране. Лично я подписываюсь целиком на месячную зарплату! - выходил какой-нибудь активист, все поднимали руки, одобряя активиста, составлялись списки, и деньги потом просто удерживались бухгалтерией предприятия. Я помню, у матери было огромное количество заемных облигаций, причем были среди них и огромные листки, с радужными разводами, водяными знаками, изображениями Кремля – облигации номиналом тысячу рублей. Мать с гордостью говорила, что «тысячные» облигации были только у директора типографии Клавдии Васильевне, у наборщицы Екатерины Петровны Колузановой, и у нее…

Николая Яковлевич Старцев – муж Клавдии Васильевны в типографии не работал, но его здесь знали хорошо – за крутой нрав, непростой характер…

Печатница, виртуозный матер работа на «американке» - Мария Сальникова

Не легче стало полиграфистам Уральска и с приходом хрущевской эры. Не раскрою большой тайны, если скажу, что в крупные газеты тексты докладов советских вождей присылались заранее, они набирались, готовые полосы стояли и ждали, когда поступят поправки, то есть проходила сверка заготовленного доклада с реальным… Вожди очень редко отступали от утвержденный ЦК докладов, так что правки было немного… Но вот Никита Сергеевич Хрущев был большим мастером ломать загодя составленные речи… Он легко отрывался от бумажек, и… спичрайтеры хватались за головы! Поправок иногда было больше, чем сама речь… Наборщики засучивали рукава и заново принимались за работу… Казалось бы, на дворе шестидесятые, хрущевская оттепель, а наборщики все равно днюют и ночуют в цехах. Почти исчезло понятие «рабочая смена» - сколько нужно, столько и работали…Не было никаких сверхурочных, все происходящее было в порядке вещей того времени…

- Мы не знали, что такое время, - говорит моя мать. – Если рабочий день занимал меньше двенадцати часов, то это воспринималось, как подарок судьбы: вот как рано я сегодня закончила работу... Иногда, в особых случаях, когда, например, доклад лидера страны занимал восемь газетных страниц, и в Уральске просто не могли справиться с таких объемом работы, готовые матрицы присылались из Алма-Аты… Пусть читатель на минуту представит себе эту ситуацию. Никита Сергеевич читает доклад в Москве, разница во времени с Уральском – два часа. Скажем, завершает он его к 15 или 16 часам… Этот текст поступает в Алма-Ату,

где его набирают – почти целую книгу. Полиграфисты в Уральске ждут… Набранный текст вычитывают корректоры, он идет на сверку в какой-нибудь идеологический отдел ЦК… Затем изготовляют картонные матрицы, процесс требующий и времени и большой точности, чтобы на специальном матричном картоне была ясно различима каждая буковка, каждая точка… А в Уральской типографии ждут…На дворе уже глубокая ночь, когда сообщают, что матрицы отправлены в аэропорт… При условии замечательной погоды, в середине пятидесятых самолет от Алма-Аты до Уральска добирался за четыре – пять часов… А в типографии все ждали… А были случаи, когда самолет довозил матрицы только до Актюбинска, а расстояние до него около полутысячи километров – и тогда картонную драгоценность везли оттуда на машине. И вот, когда на горизонте уже угадывалась утренняя заря, матрицы попадали в типографию… Теперь из них отливали металлические формы для ротации… Это тоже занимало иногда не один час…Солнце уже вовсю пробивалось через высокие окна типографии, когда начинала реветь ротационная машина…и точно к приходу на работу областного партийного начальства свежая газета ложилась на их столы…

А полиграфисты? Может быть, отправлялись домой поспать пару часов, а кто и оставался в цеху – наступил новый день, и нужно было набирать новую газету…

Я рассказал, как смог, о дорогих, родных мне людях… Конечно же, даже упомянуть я сумел не обо всех… Пусть они не обижаются на меня, не сердятся их дети, внуки. Все-таки перо – не бесстрастный фотоаппарат или кинокамера, которая фиксирует все, что смотрит в объектив. Может быть тех, кто не попал на страницы моего скромного повествования, утешит то, что я их всех люблю, как часть нашего общего прошлого.

Люблю - их, наш славный город Уральск, чудесные речки – Урал, Чаган, Деркул… Всегда тоскую о них… Куда бы не заносила меня судьба - и среди степных небоскребов Астаны, и на берегах великих рек, и в горах Ала-Тау, словом, везде и всегда мне не хватает моей родины…

Я все чаще теперь думаю о прошлом, старею… Мне кажется, что в полувековой

дали я не рассмотрел еще самого главного, самого нужного… Оно всегда было рядом со мной, но не открылось… Откроется ли?.. Не берусь судить… Но, наверное, и за последней чертой, в невозвратной дали я буду скучать по тем временам, по моему провинциальному несравненному городу, по лучшей в мире реке – ее ярам и пескам, стремнинам и заводям,

Я спросил у матери, других старых типографских рабочих:
- Наверное, вы бываете в типографии и теперь, встречаетесь с молодыми полиграфистами, вам есть, о чем рассказать им?..
Мои собеседники только усмехнулись:
- Никогда этого не было… Раньше все-таки приходили, с праздниками поздравляли, открытки присылали, а сейчас, наверное, открытки подорожали…
Как-то мать зашла в новое здание типографии, хотела посмотреть на современное полиграфическое производство… Ее не выгнали, но одна из руководительниц, встретившая ее, сказала, что нужно выписать пропуск… Потом как бы спохватилась, вызвалась проводить ее в цеха, минуя вахту…
Наверное, она поступала правильно, порядок есть порядок… Но мать отказалась и ушла… Может быть, ей вспомнилось, как без всяких правил и порядка она на протяжении сорока трех лет приходила сюда – и работала вместе с коллегами по 12 – 15 часов в сутки – и в холоде, и в голоде, и валясь с ног от усталости… И не разу никто не вспомнил о нормативах, трудовом законодательстве, о правах этих людей… Нужно было работать – и они работали…
А как-то случилось, что одна из работниц пошла за помощью в родную типографию. Не хотела, словно чувствовала, что откажут, но ее уговорили знакомые, дескать иди, тебя знают, помогут. У них в доме проводили газ, и нужна была немалая по тем временам сумма – 9 тысяч тенге…Она не рассчитывала на всю сумму, хотя бы на часть ее…
Долго ее держали в приемной, секретарь выпытывала, по какому она вопросу, кто она, как ее фамилия…
И наконец тогдашний директор сказал ей, что типография в трудном положении,

велики задержки заработной платы, помочь ветерану ничем не может…

В типографии была неплохая цинкография. Не могу вспомнить всех ее работников… Помню Льва Наумова, потом совсем тогда молодого парны, носившего на голове черный берет – не частый по тем временам головной убор… Этот парень утверждал, что он может загипнотизировать любого, и предлагал начать с меня… Я не верил ему, но на опыт не соглашался, боялся… Но, кажется, он все-таки загипнотизировал меня, или заколдовал, и не только меня… Это был будущий поэт Валентин Бузунов… Более тридцати лет прошло с его смерти, но мы – его друзья и товарищи – не забываем о нем, и надеемся, что в нас есть частичка его любви к литературе, к нашему замечательному краю,

Попутно, для будущих историков предприятия, скажу, что некогда работал в типографии и другой Жерехов – Иван. Они не были родственниками, только однофамильцами. Иван проработал недолго, тоже был печатником на небольшой машине – так называемой «американке».

арыки
Георгий Андреевич Лукьянов, выпускающий, вел колонку «Записки натуралиста»…

1994 году умерла Клавдия Васильевна Старцева

* * * * *

КОЛУЗАНОВА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, наборщица, 1918 года рождения.В начале тридцатых годов пришла в типографию и всю свою жизнь прработала в наборном цеху. Она работала почти до самой смерти, покинула рабочее место буквально за несколько месяцев до смерти.

ХРАМЦОВА МАРИЯ ИВАНОВНА, печатница.Умерла несколько лет назад, рождена в 1928 году. Работала на всех типах печатных машин, но больше всего ей доверяли самую большую в цеху, старинную машину.

* * * * *

ИСТОМИНА ПОЛИНА ПАВЛОВНА, наборщица, предположительно 1916 года рождения.

ГЛАДЫШЕВ АЛЕКСАНДР СОФРОНОВИЧ, был в 39 году директором. В далекие годы начала века он учил полиграфическому мастерству будущего классика татарской литературы Габдулу Тукая. Один из старожилов типографии. Жили по улице Форштадской на самом яру старицы Урала, ныне улица Маметовой.

* * * * *

МИЛОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ,1930 года рождения. сын Николая Ивановича, работал в резальном цехе, через его руки прошли тысячи тонн бумаги.Резчик бумаги - специалист привелигированный, резать бумагу - искусство, которое не каждому дается. Оно требует и большой физической силы, и терпения, и точности, глазомера. Не каждый обыватель задумывается о том, что бумага бывает самых

разных размеров, стандартов и как получается, что она так ровно, замечательно обрезана. Это нелегкий труд. Владимир Милов впрочем брался за любую работу, он был специалист на все руки. Долгие годы он работал в цехе по отливу газетных форм для ротации. Наверное людям будующих поколений смешным покажется тот факт, что отлитая в металле страница газеты весила что-то около пуда, а таких форм нужно было отлить восемь на каждую газету. Сегодня, когда компьютерные, иные умопомрачительные технологии врываются в нашу жизнь, так называемая высокая печать кажется анахронизмом, но еще в семидесятых-восьмидесятых годах нашего столетия она казалась едва ли не откровением. Ведь прежде газету набирали буквально по одной буковке...

* * * * *

* * * * *

* * * * *

В середине пятидесятых произошла такая история: в доме Миловых-Дорониных хранилась малокалиберная винтовка и помнится мне огромное количество патронов к ней. Тогда повально во всех организациях учились стрелять, надевать противогазы и. т. д. Стреляли прямо во дворе типографии, укрепив мишени на огромные двухстворчатые двери одного из складов типографии. Нередко эти "стрельбы" проводились по вечерам, после работы, по желанию мужчин. Спустя некоторое время разразился скандал: оказалось, что в складе хранилась канцелярская мебель и она оказалась прошитой пулями винтовки.

Обязательно написать об офицерском дворе, доме, в котором был подвал с маринадами, про сарай дровяной, рядом с которым мы в марганцовку наливали глицерин, и он загорался, почти взрывался, рассыпая фиолетовые искры. Здесь меня поразили квартиры офицеров, с трельяжами. Это был высший шик!..

Большей роскоши я не представлял.

Отдельно написать о клубе,
Отдельно написать о суде товарищеском над мужиком, бросившем бабу. Он оправдался: она бесплодна, и предъявил справку от врачей, и тогда ему все посочувствовали. И не потому, что были монстрами, они были детьми своего времени…

5 декабря (день сталинской конституции)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ
ОБЛАСТНОЙ ТИПОГРАФИИ

КЛАВДИЯ ВАСИЛЬЕВНА, девичья фамилия Нечаева, затем по фамилиям мужей - Гусева, Старцева, Завьялова.В 1939 году была линотиписткой.7 ноября 1917 года.С 1933 года работала в типографии.Была ученицей Николая Ивановича Иванова.

* * * * *

ДОРОНИНА ГАЛИНА \АГРИППИНА/ ТРОФИМОВНА, пришла в типографию 19 апреля 1939 года. На одном этом предприятии проработала 43 года, была метрампажем областной газеты, которая теперь называется "Приуралье", а прежде именовалась "Приуральской правдой".

* * * * *

КОЛУЗАНОВА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, наборщица, 1918 года рождения.В начале тридцатых годов пришла в типографию и всю свою жизнь прработала в наборном цеху.Она работала почти до самой смерти, покинула рабочее место буквально за

несколько месяцев до смерти.

* * * * *

* * * * *

ИСТОМИНА ПОЛИНА ПАВЛОВНА, наборщица, предположительно 1916 года рождения.

* * * * *

НАДЕЖДИНА НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА, наборщица, линотипистка, работала вместе со Старцевой, потом она работала в штемпельном цеху, где изготовляли печати, экслибрисы, штампы. Эта работа в свое время была объявлена секретной, как впрочем многое в той жизни. А между тем во время войны в цехех типографии, тоже в обстановке секретности, печатали специальные листы для игры в преферанс. Надо полагать в этот преферанс сражались не те мальчики, которых за день-два до отправки на фронт направляли в типографию, где они должны были попеременно вращать вручную огромные маховики печатной машины - отключение электричества было делом обыденным, почти как сейчас, и тогда на помощь из военкомата присылали призывников. Так что, еще не попав на фронт, они уже были причастны к сообщениям Совиформбюро, которые печатались в газете.

* * * * *

МИЛОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, сменный мастер, начальник наборного цеха. Отказался от брони, ушел на фронт в 1942 году, в августе, пропал без вести в августе 1943 года, то есть пробыл на фронте ровно один год.Воевал на первом Украинском фронте, был в войсках связи,1905 года рождения, начинал работать еще в том здании типографии, которое располагалось в доме по улице им. Чапаева. Начинал работать в том здании, где сейчас располагается областная поликлиника, пошел работать в возрасте 14 лет учеником наборщика. Посылали

за водкой, били линейкой, так тогда учили, то есть в 1917 году стал трудиться. В семье он был самым старшим, детей в семье было трое. Отец умер, когда Николаю было около десяти лет, вскоре умерла и мать.
Я помню, что в нашем доме, а жили мы в моем детстве в комнате при областной типографии, под стеклом висела фотография Николая Милова, снятого с моей бабушкой – Александрой Львовной Миловой, в девичестве Дорониной. Бабушка сидела на стуле, о Николай Иванович стоял, или наоборот? Я никогда не видел Милова, но мое отчество – это память о нем. У меня не отчество, а дедовство, если можно так сказать. Даже не дедовство… Не знаю как сказать, ведь он даже и не дед мне, а муж бабушки, она вышла замуж имея уже дочку, мою мать – Агриппину Доронину. Трудная и странная судьба у моих родных, у моей семьи. Неизвестны ее корни… Никто из Дорониных, может быть, кроме меня, не знают свой точный возраст, да имена тоже не все знают. Моя мать известна всем как Галина Доронина, а точное ее имя – Агриппина. Она не знает своего отца, а я своего деда. Она не знает, где была рождена и в каком точно году, почему-то в метриках записана, по ее мнению, другая дата, ей для чего-то убавили годы, может в начале двадцатых так выгоднее было получать хлеб, или еще что-то?..

* * * * *

ГЛАДЫШЕВ АЛЕКСАНДР СОФРОНОВИЧ, был в 39 году директором. В далекие годы начала века он учил полиграфическому мастерству будущего классика татарской литературы Габдулу Тукая. Один из старожилов типографии.Жили по улице Форштадской на самом яру старицы Урала, ныне улица Маметовой.

* * * * *

МИЛОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ,1930 года рождения. сын Николая Ивановича, работал в резальном цехе, через его руки прошли тысячи тонн бумаги.Резчик бумаги - специалист привелигированный, резать бумагу - искусство, которое не каждому дается. Оно требует и большой физической силы, и терпения, и точности, глазомера. Не каждый обыватель задумывается о том, что бумага бывает самых разных размеров, стандартов и как получается, что она так ровно, замечательно обрезана. Это нелегкий труд. Владимир Милов впрочем брался за любую работу,

он был специалист на все руки. Долгие годы он работал в цехе по отливу газетных форм для ротации. Наверное, людям будущих поколений смешным покажется тот факт, что отлитая в металле страница газеты весила что-то около пуда, а таких форм нужно было отлить восемь на каждую газету. Сегодня, когда компьютерные, иные умопомрачительные технологии врываются в нашу жизнь, так называемая высокая печать кажется анахронизмом, но еще в семидесятых-восьмидесятых годах нашего столетия она казалась едва ли не откровением. Ведь прежде газету набирали буквально по одной буковке...

* * * * *

* * * * *

* * * * *